

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 2 (11) 2026

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.

Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».

Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-86059 от 13.10.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Журнал издается при поддержке научно-издательской группы «ЮРКОМПАНИ».

Адрес типографии: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: <https://mdprint.ru>.

Дата выхода в свет: 11.06.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 5.08. Тираж 50 экз. Свободная цена.

E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** <https://lawstate-journal.ru>.

Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.

Журнал индексируется в РИНЦ.

Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге

ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 2 (11) 2026

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.

Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»

Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.

Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: PI №. FS 77-86059 of 13.10.2023.

Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

The journal is published with the support of research and publishing group «YURKOMPANI».

Printing house address: 450005, Ufa, Russian Federation, ООО МедиаПринт, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: <https://mdprint.ru>.

Release date: 11.06.2026. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 5.08. Circulation of 50 copies. Free price.

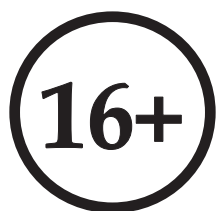
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** + 7-903-31-25-790. **Website:** <https://lawstate-journal.ru>.

The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024

The journal is indexed in the RSCI.

Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue

GC «Ural-Press» - on the website www.ural-press.ru.



Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);

Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);

Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель главного редактора;

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;

Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;

Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;

Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;

Миронов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);

Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;

Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИПП РАН;

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИПП РАН;

Нырков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;

Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;

Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL COUNCIL

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal "Law and Statehood".

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Chief Editor;

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;

Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;

Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;

Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;

Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);

Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;

Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;

Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;

Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Самигуллин В.К.

Правопорядок и демократия 8

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Малый А.Ф.

О юридическом содержании
конституционно-правовой
терминологии 14

Галицкая Н.В.

Об объекте административных
правонарушений в сфере обеспечения
продовольственной безопасности 20

Нигметзянов А.А.

Феномен стимулирования в публичных
отраслях права 25

Каримов М.В.

Конституционное закрепление
обязанности главы республики владеть
государственным (национальным)
языком 30

Хабибуллин А.Р.

К вопросу об основных подходах к понятию
правотворчества 36

Халиев И.К.

Конституционное и уставное регулирование
в субъектах Российской Федерации:
современное состояние и проблемы
правового регулирования 41

Халилова Н.Я.

Коллизии статуса государственного
языка Российской Федерации и языков
республик: двуязычие в официальном
документообороте как источник правовых
споров 47

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Леонтьева Я.Е.

Оспаривание сделок в банкротном
процессе по основанию
подозрительности 52

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мухаметшин Ф.Б.

Вопросы защиты прав потерпевшего
на досудебной стадии уголовного
процесса 56

Шайхуллин М.С.

Об актуальности проблематики уголовного
противодействия продаже
несовершеннолетним алкогольной
продукции 62

Сибагатуллин Ф.Ф.

Квалифицирующий признак совершения
побоев в местах массового пребывания
людей 69

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 76

THEORY OF STATE AND LAW

Samigullin V.K.

Legal order and democracy 8

PUBLICLY LEGAL (STATE-LEGAL) SCIENCES

Maly A.F.

On the legal content of constitutional and legal terminology 14

Galitskaya N.V.

About the object of administrative offenses in the field of food security 20

Nigmatzyanov A.A.

The phenomenon of incentives in public Law 25

Karimov M.V.

Constitutional consolidation of the duty of the Head of the Republic to speak the state (national) language 30

Khabibullin A.R.

On the Main Approaches to the Concept of Lawmaking 36

Khaliev I.K.

Constitutional and statutory regulation in the constituent entities of the Russian Federation: current state and problems of legal regulation 41

Khalilova N.Ya.

Collisions between the status of the state language of the Russian Federation and the languages of the republics: bilingualism in official document flow as a source of legal disputes 47

CIVIL LAW

Leontieva Y.E.

Contesting transactions in a bankruptcy proceeding on the basis of suspicion 52

CRIMINAL LAW SCIENCES

Mukhametshin F.B.

Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process .. 56

Shaikhullin M.S.

On the relevance of the problems of criminal counteraction to the sale of alcoholic beverages to minors 62

Sibagatullin F.F.

Qualifying sign of battery in public places 69

INFORMATION FOR AUTHORS 76

Правопорядок и демократия

В.К. Самигуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

svenir@internet.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о соотношении понятий демократии и правопорядок. Отмечается, что трудность внесения определенности в решение этого вопроса связано с тем, что существует множество определений, с одной стороны, понятия «правопорядок», а с другой – «демократия». И в их содержание вкладываются противоречивые смыслы. Между институтами стран, считающихся демократическими, имеются значительные различия. Предлагаются различные доктрины демократии, что интересно с познавательной точки зрения. Хотя из них и следует, что общей тенденцией является распространение демократии в мире, немало фактов, свидетельствующих о том, общество становится все больше потребительским, а государство все больше административным и бюрократическим. Предметное поле дискуссий расширяется. Как бы ни было устроено то или иное общество и его государственность, демократично или недемократично, складывается определенный правопорядок. Как бы он кем-то не оценивался, этот правопорядок служит своеобразной несущей конструкцией для соответствующего общества и его государственности. Уровень реального правопорядка в обществе и государственности зависит от демократии. Но и уровень развития демократии зависит от правопорядка. Отсюда – лучше, когда правопорядок и демократия взаимодействуют. В статье проанализированы работы ученых, занимающихся проблемами теории государства и права. Обстоятельному анализу подвергаются труды В.И. Ленина «Государства и революция», «Детская болезнь левизны в коммунизме», «Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая», «Пролетарская революция Ренегат Каутский», «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики».

Ключевые слова: правопорядок, демократия, право, действие, противодействие, взаимодействие, развитие, солидаризм.

Для цитирования: Самигуллин В.К. Правопорядок и демократия // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 8–13.

Original article

Legal order and democracy

V.K. Samigullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

svenir@internet.ru

Abstract. The article examines the question of the relationship between the concepts of democracy and law and order. It is noted that the difficulty of making certainty in solving this issue is due to the fact that there are many definitions, on the one hand, the concept of «law and order,» and on the other - «democracy.» And conflicting meanings are invested in their content. There are significant differences between the institutions of countries considered democratic. Various doctrines of democracy are proposed, which are interesting from a cognitive point of view. Although it follows from them that the general trend is the spread of democracy in the world, there are many facts indicating that society is becoming more consumer, and the state is becoming more administrative and bureaucratic. The subject field of discussions is expanding. Whatever the structure of this or that society and its statehood, democratic or undemocratic, a certain rule of law is developing. No matter how it is assessed by someone, this rule of law serves as a kind of load-bearing structure for the corresponding society and its statehood. The level of real law and order in society and statehood depends on democracy. But the level of development of democracy depends on the rule of law. Hence, it is better when law and order and democracy interact. The article analyzes the work of scientists dealing with the problems of the theory of state and law. V.I. Lenin's works «States and Revolution», «Children's Disease of Leftism in Communism», «Final Speech on the Report on the Food Tax on May 27», «Proletarian Revolution Renegade Kautsky», «On the Tasks of the People's Commissariat for the Conditions of the New Economic Policy».

Key words: legal order, democracy, law, action, opposition, engagement, development, solidarity.

For citation: Samigullin V.K. Legal order and democracy // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 8–13.

Трудность решения вопроса о соотношении правопорядка и демократии обусловлено, с одной стороны, множеством определений понятия «правопорядок», а с другой – тем, что в термин «демократия» вкладываются противоречивые смыслы. Между институтами стран, считающихся демократическими, имеются значительные различия.

Известно, что слово «демократия», производная от греческого слова «δημοκρατία», переводится дословно на русский язык как народовластие, власть, воля народа. Отсюда – достаточно распространенным является мнение, по которому демократичным является то сообщество людей, где меньшинство подчиняется большинству, а недемократическим – то общество, где большинству приходится подчиняться меньшинству. Особенно в государственно организованном обществе. В этом отношении показательны рассуждения о демократии В.И. Ленина (1870 – 1924) – основателя Советского государства (1917 – 1993)

В своей знаменитой брошюре «Государство и революция»¹, В.И. Ленин пишет: «... отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд, такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-нибудь опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа? Нет. Демократия не тождественная с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство, т.е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другою» [1, с. 83] ... «Демократия для ничтожного

меньшинства, демократия для богатых, – вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, ... ограничения да ограничения демократизма» [1, с. 88–89] ... «... Развитие вперед, ..., идет через диктатуру пролетариата ... А диктатура пролетариата, т.е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, в п е р в ы е становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам» [1, с. 89] ... «... в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, ..., впервые дает демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства эксплуататоров» [1, с. 91] ... «демократия есть тоже государство ...» [1, с. 19] ... «Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике» [1, с. 20]. По В.И. Ленину, государство есть демократия, а демократия есть государство. Для него диктатура пролетариата – это государство и демократия. И в этом качестве по сравнению с буржуазной демократией она лучше, так как олицетворяет власть большинства и представляет собой переходное государство, государство не в собственном смысле, а полугосударство [1, с. 18], отмирающее или засыпающее государство.

Из рассуждений В.И. Ленина следует,

¹ Полное название этой брошюры «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». Она написана В. И. Лениным в подполье (в Разливе и Гельсингфорсе) в августе – сентябре 1917 года. Первые два издания вышли в свет 1918 и 1929 гг. С 1918 года по 1961 год в Союзе ССР эта брошюра издавалась 190 раз, тиражом в 6 592 000 экземпляров на 46 языках народов страны. По неполным данным за границей она была издана на 35 языках. Работа же Е.Т. Гайдара «Государство и эволюция, написанная в августе-сентябре» 1994 года, издана в Москве издательством «Евразия» в 1995 году тиражом лишь в 25000 экземпляров.

что буржуазная демократия – это вовсе не демократия, а, использующаяся буржуазным государством, несправедливая диктатура ничтожного меньшинства эксплуататоров над большинством населения. Пролетарская (или социалистическая, что же) демократия же, получается, по нему, тоже диктатура. Но именно по этой причине она (пролетарская / социалистическая демократия) есть подлинная демократия. Ибо эксплуатируемое до революции большинство населения, обретя после нее власть и свободу в гражданстве, диктует свои условия меньшинству, лишившемуся экономической основы и политической власти, связанных с ними льгот и привилегий. Причем, обозначенным большинством для решения вопросов созидания, противостоя вместе с тем вызовам и угрозам, представляющим опасность для этого большинства, используется не государство в буржуазном формате, а также в любой другой форме, что оценивается равно как зло, фикция, а полугосударство. Государство по-новому демократическое (для пролетариата и немущих вообще) и по-новому диктаторское (против буржуазии) [1, с. 35].

В современных условиях концепция демократии в понимании В.И. Ленина и разделяемая его сторонниками и последователями, верными ленинцами, не популярна. Особенно среди тех, кто считает, что гражданское общество и правовое государство в разном истолковании, есть предел развития общества и его государственности в мировом развитии всего человечества. Ленинская концепция демократии, по которой демократия бывает буржуазной и социалистической, и которые отличаются друг от друга по содержанию и форме, характеру и направленности, отвергается. В доказательство этого выдвигаются различные доводы.

Одним из аргументов является утверждение о том, что при демократическом режиме, когда большинство властвует над меньшинством, не считаются с правами

и интересами этого меньшинства. Вопрос о гарантиях личности, местных сообществ, меньшей части населения государственно организованного народа не ставится и не рассматривается как актуальный и имеющий какое-то значение для общего хода развития общества и его государственности.

В упрек ставится также то, что при диктатуре пролетариата, представляемой как лучшая форма демократии, чем буржуазная демократия, идеологи которой считают не приемлемым для характеристики ее слова «диктатура», переоценивается роль принуждения, в решении вопросов развития общества и его государственности ставка делается, прежде всего, на насилие. Действительно, в ряде ленинских работ можно встретить пугающие добропорядочного гражданина формулировки типа: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества» [2, с. 27]; и всякое государство есть применение насилия [3, с. 318]; «Революционная диктатура пролетариата, есть власть, завоёванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть не связанная никакими законами» [4, с. 245]; «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [5, с. 398] и др.

Но в качестве главного доказательства несостоятельности данной концепции демократии приводится факт развала Союза ССР и всего социалистического лагеря, целью которых наперекор всему окружающему миру было построить новое общество – коммунистическое¹.

Предлагаются различные доктрины демократии [6], что интересно с познавательной точки зрения. Хотя из них и следует, что общей тенденцией является распространение демократии в мире, немало фактов, свидетельствующих о том, общество становится все больше потребительским, а государство

¹ Здесь недоучитывается то, что можно проиграть сражение, но выиграть кампанию. Пруссии не стало, но появилась Германия. Вермахт потерпел поражение, Третий Рейх был разделен на части, образовались две Германии – ФРГ и ГДР, но сегодня Германия одна – это ФРГ. Российская империя распалась, но появился Союз ССР. Он распался тоже, но образовалось Содружество Независимых Государств (СНГ), хотя еще и слабое. В ходе истории, социального развития, эволюции возможно всякое. Но все же существуют определенные закономерности: за объединением следует разделение, а за разделением – объединение.

все больше административным и бюрократическим. Предметное поле дискуссий расширяется.

Распространенным является мнение, что демократически устроенное общество и его государственность лучше, чем устроенное иначе, особенно в традициях худших вариантов тоталитаризма и авторитаризма. Справедливо! А в отношении того, что справедливо, остается одно: принять.

Но вот что интересно: как бы ни было устроено то или иное общество и его государственность, демократично или недемократично, складывается определенный правопорядок. Как бы он кем-то не оценивался, этот правопорядок служит своеобразной несущей конструкцией для соответствующего общества и его государственности. Кто-то может желать разрушить сложившийся правопорядок как ненавистный, противный его чувствам, мыслям, мировоззрению. Если даже ему это вдруг и удастся, что маловероятно, его ждет разочарование: сформируется новый правопорядок. Лучше или хуже прежнего? В любом случае отношение к нему не будет характеризоваться однозначностью. Несмотря на это, правопорядок будет существовать как некая объективность, как необходимость, как фактор, удерживающий общество и государственность в определенных рамках приличия и развития.

Уровень реального правопорядка в обществе и государственности зависит от демократии. Но и уровень развития демократии зависит от правопорядка. Отсюда – лучше, когда правопорядок и демократия взаимодействуют. Таким образом, когда участники общественных отношений избегают по возможности конфликтов, разрушительно действующих на развитие социума в целом или на его отдельные необходимые, ценные и социально-полезные структуры. Когда Харилла (Харилая) – племянника легендарного законодателя Ликурга (IX в. до н.э.) спросили, какую форму государства он считает наилучшей, он ответил: «Такую, где большинство граждан, будут доброжелательными, склонны мирно жить друг с другом, принимая участие в правлении и не подымая смут» [7, с. 124]. Мудры были древние.

В юриспруденции, в большей части

теоретической, наблюдается увлечение концепцией правового воздействия. Многие авторы используют понятия «правовое воздействие» и/или «юридическое воздействие» в своих умственных построениях как однопорядковые, взаимозаменяемые. Между тем, если следовать рассуждениям принципиальных философов права и теоретиков, различающим право и закон, а не отождествляющих их по формуле «право = закону, а закон = праву», то появляется основание эти два понятия отличать друг от друга. Одно дело, когда на развитие общественных отношений оказывает влияние все, что включает в себя понятие правовой фактор, право в подлинном его понимании, и совсем другое – когда для этого используется преимущество закон и соответствующие ему подзаконные акты, а также обеспечивающие их совокупное действие в реальности конкретные учреждения публичной власти.

Л.Н. Берг пишет: «... в динамике правовое воздействие представляет сложный открытый целенаправленный процесс упорядочения социальных связей, длящийся во времени, в пространстве и по кругу лиц, осуществляемый с помощью разной по форме и содержанию правовой информацией, в результате которого возникают упорядоченные связи между коллективными и индивидуальными субъектами. Степень упорядоченности социальных связей и направленность может быть разной» [8, с. 23].

По Е.К. Щербаковой, «правовое воздействие – это процесс влияния права на сознание и поведение людей, их объединений, осуществляемый системой правовых средств, способов и методов, нацеленный на организацию наиболее важных для общества социальных отношений и выражающийся в достижении определенного юридически значимого результата» [9, с. 11]. Правовое воздействие она характеризует, используя категорию «механизм». На ее взгляд, «механизм правового воздействия представляет собой логически организованную динамическую систему правовых явлений и процессов, обусловленных средствами социокультурного характера, осуществляющих поэтапное правовое воздействие на осознанное поведение человека и объединений людей в социально значи-

мых ситуациях с целью их организации достижения сбалансированного юридически значимого результата» [9, с. 13].

В обоих случаях обращает на себя внимание абстрактное и одностороннее видение действия правового фактора в обществе и его государственности. Получается: чтобы упорядочить «связи между коллективными и индивидуальными субъектами» (Берг Л.Н.), достичь «сбалансированного юридически значимого результата» (Щербакова Е.К.), оказывается необходимо постоянно воздействовать на развивающиеся общественные отношения.

Вроде бы правильно. Но остается место и для сомнения.

Постоянное воздействие (правовое или еще какое-то) равнозначно постоянному давлению. Чрезмерное увлечение концепцией правового воздействия может привести к культивированию насилия, оправдывающего принуждение, требующего от участников общественных отношений беспрекословного послушания, по сути слепого следования любым предписаниям, другим требованиям механистических компонентов структуры правового воздействия под страхом наказания.

В этой концепции не учитывается то, что всякое действие вызывает противодействие. Чтобы упорядочить «связи между коллективными и индивидуальными субъектами», достичь «сбалансированного юридически значимого результата», недостаточно правового воздействия лишь с одной стороны. А необходимо еще учитывать правовое воздействие с другой стороны – активность со стороны реальных участников фактических общественных отношений. Здесь важно их согласие или не согласие с оказываемым на их сознание и волю (поведение) правовым воздействием в интерпретации сторонников ее теоретической концепции. Необходим правовой порядок, складывающийся в результате солидаристских отношений между людьми и их ассоциациями. Этому способствует взаимодействие права и демократии, где при переводе проблемы в реальную плоскость, решающая роль за конкретными людьми, которые представляют, с одной стороны, народ, а с другой – власть.

Свобода и порядок взаимно предполагают друг друга. И формирование правопорядка зависит от того, кому поиск и установление права, который лежит в основе правопорядка, доверяется: народу, сторонам договорных отношений, парламенту, судье, администратору, ученым. Хотя по Конституции Российской Федерации «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (часть 1 статьи 3), народ непосредственно устанавливает право только при референдуме, который проводится на практике редко. Ныне в Российской Федерации больше доверяют федеральному парламенту, – Федеральному Собранию Российской Федерации, – который, взаимодействуя с Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, энергично принимает федеральные законы, надеясь таким образом урегулировать общественные отношения таким образом, чтобы все были счастливы и жили в благоденствии. Устанавливаемые путем заключения договоров и соглашений в процессе разнообразной сознательной деятельности участников общественных субъективные права и юридические обязанности могут быть оспорены. Суд рассматривается в основном только как правоприменитель. Рассуждения теоретиков права о том, что в некоторых случаях суд может выступать и в качестве правоустановителя, популярностью не пользуются. Правовые доктрины¹ значимы лишь в кругу ученых-юристов, который не очень широк. В этих условиях правопорядок как состояние, образующееся в результате взаимодействия права и демократии, предстает больше как желаемое, чем действительное. На самом же деле в условиях современной России правопорядок – это все же больше законпорядок.

Любопытно наблюдение П.С. Назарова. Он пишет: «Диссертанту представляется не бесспорным мнение авторов, полагающих, что демократия является необходимым объективным и субъективным условием существования правопорядка» [10, с. 15]. На его взгляд, «правапорядок в обществе может существовать и вне режима демократии. Из определения правопорядка

¹ О правовой доктрине см. Перевалов В. Д. [10], Чашин А. Н. [11].

как порядка в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, следует, что вне зави-

симости от того, кем закреплены в законе права и обязанности граждан, порядок, при котором формально осуществляются данные права и обязанности, будет называться правовым порядком» [10, с. 15].

Список литературы

1. Ленин В. И. Государство и революция. М., Политиздат, 1965. 160 с.
2. Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. 695 с.
3. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Полн. собр. соч. Т. 43. 561 с.
4. Ленин В. И. Пролетарская революция Ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. 747 с.
5. Ленин В. И. О задачах Наркомюста условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. Т. 44. 725 с.
6. Нудненко Л. А. Теория демократии. – М.: Юрист, 2001. 94 с.
7. Плутарх. Это Спарта! Законы легендарного государства / Плутарх, пер. с др.-греч. М. Н. Ботвинника. – Москва: Издательство АСТ, 2025. 286 с.
8. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практик: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 48 с.
9. Щербак Е. К. Механизм правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 38 с.
10. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: Проблема формирования и реализации: монография / В. Д. Перевалов. – Москва: Норма: ИНФРА-М. 2023. 168 с.
11. Чашин А. Н. Правовая доктрина России. – М.: Дело и сервис, 2016. 208 с.
12. Назаров П. С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. 27 с.

References

1. Lenin V. I. State and revolution. M., Politizdat, 1965. 160 p.
2. Lenin V. I. Children's disease of leftism in communism // Lenin V.I. Poln. collection Op. T. 41. 695 p.
3. Lenin V. I. Closing remarks on the report on the food tax on May 27 // Full collection Op. T. 43. 561 p.
4. Lenin V. I. Proletarian revolution Renegade Kautsky // Full collection Op. VOL. 37. 747 p.
5. Lenin V. I. On the tasks of the People's Commissariat for the conditions of the new economic policy // Full. collection Op. T. 44. 725 p.
6. Nudnenko L. A. Theory of democracy. - M.: Lawyer, 2001. 94 p.
7. Plutarch. It's Sparta! Laws of the legendary state / Plutarch, trans. from dr. Greek M.N. Botvinnik. - Moscow: AST Publishing House, 2025. 286 p.
8. Berg L. N. Study of legal impact: methodology, theory, practice: author. dis.... doc. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2018. 48 p.
9. Shcherbakova E. K. The mechanism of legal influence: author. dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2021. 38 p.
10. Perevalov V. D. Legal doctrine: The problem of formation and implementation: monograph / V.D. Perevalov. Moscow: Norma: INFRA-M. 2023. 168 p.
11. Chashin A. N. Legal doctrine of Russia. – M.: Case and service, 2016. 208 p.
12. Nazarov P. S. Law and order in the conditions of the formation of a rule of law: author. dis.... cand. jurid. sciences. – Saratov, 2005. 27 p.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, Professor, Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2).

Статья поступила в редакцию 04.04.2026; одобрена после рецензирования 09.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 04.04.2026; approved after 09.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Научная статья

УДК 342.537.7

DOI: 10.70569/2949-5725.2026.11.2.002

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

О юридическом содержании конституционно-правовой терминологии

А.Ф. Малый

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

afm-10@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы терминологической определенности в праве. Обращается внимание на использование одних и тех же понятий в философии, политологии, социологии, юриспруденции. Особенно много таких пересечений в конституционном праве, что объясняется особым предметом конституционного регулирования. Вместе с тем, юридическая определенность используемых терминов составляет основу любой отрасли права. Четкость ее соблюдения обусловлена необходимостью обеспечения ясности, непротиворечивости, однозначности понимания нормы права. В статье анализируются различные дискуссионные вопросы юридических конструкций в контексте политико-правового содержания Конституции страны. Подвергнуты анализу значимые монографические исследования в области конституционного права, в частности, - «Общие начала теории социалистической конституции» (1986 г.). В материале представлен достаточный объем научных выводов, касающихся юридического содержания терминологии в конституционно-правовом измерении. По мнению автора настоящей статьи, использование одинаковых терминов представителями гуманитарных наук неизбежно, поскольку анализируются различные аспекты развития общественных отношений. Вместе с тем, у термина может быть свое узкопрофессиональное содержание, которое отражает специфику изучаемых отношений и помогает акцентировать внимание на особенностях их проявления. Нельзя избежать и политической составляющей суждений представителей юридической науки, поскольку политика и право всегда идут рядом, оказывают влияние друг на друга: политические решения часто предшествуют правовому регулированию, а право «связывает» политику, определяет рамки возможного при принятии политических решений. Но такая связанность не исключает собственного понятийного аппарата, поскольку любая самостоятельная наука вырабатывает свой терминологический ряд с особым содержанием. В заключении научной статьи формулируются выводы по совершенствованию положений конституционного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: конституция, закон, терминологическая определенность, политика, правоотношения, понятийный аппарат.

Для цитирования: Малый А.Ф. О юридическом содержании конституционно-правовой терминологии // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 14–19.

Original article

On the legal content of constitutional and legal terminology

A.F. Maly

Kazan (Volga) Federal University,

Kazan, Russian Federation

afm-10@mail.ru

Abstract. The article addresses issues of terminological certainty in law. Attention is drawn to the use of the same concepts in philosophy, political science, sociology, jurisprudence. There are especially many such intersections in constitutional law, which is explained by the special subject of constitutional regulation. However, the legal certainty of the terms used forms the basis of any branch of law. The clarity of its observance is due to the need to ensure clarity, consistency, unambiguous understanding of the rule of law. The article analyzes various controversial issues of legal structures in the context of the political and legal content of the country's Constitution. Significant monographic studies in the field of constitutional law have been analyzed, in particular, «General Principles of the Theory of

the Socialist Constitution» (1986). The material presents a sufficient amount of scientific conclusions regarding the legal content of terminology in the constitutional and legal dimension. According to the author of this article, the use of the same terms by representatives of the humanities is inevitable, since various aspects of the development of social relations are analyzed. At the same time, the term may have its own narrow professional content, which reflects the specifics of the studied relationships and helps to focus on the features of their manifestation. The political component of the judgments of representatives of legal science cannot be avoided, since politics and law always go side by side, influence each other: political decisions often precede legal regulation, and law «binds» politics, determines the scope of what is possible when making political decisions. But such connectedness does not exclude its own conceptual apparatus, since any independent science develops its own terminological series with a special content. The conclusion of the scientific article formulates conclusions on improving the provisions of constitutional legislation and law enforcement practice.

Key words: constitution, law, terminological certainty, politics, legal relations, conceptual apparatus.

For citation: Maly A.F. On the legal content of constitutional and legal terminology // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 14–19.

Периодическая трансформация законодательства вызывается необходимостью следовать меняющимся общественным отношениям, откликаться на запрос общества, отражать в нормативных предписаниях новые достижения в различных сферах общественной жизни [1, с. 189]. Этот процесс связан с появлением новых терминов, расширением понятийного аппарата, пересмотром существующих подходов к трактовке доктринальных догматов. Безусловно, модификация затрагивает и конституционное регулирование, происходит осмысление базовых конституционных постулатов.

Наличие в конституции значительного числа норм общего характера (норм-принципов, норм-целей, норм-задач) периодически порождает дискуссию о ее политико-правовом предназначении. Действительно, любая конституция закрепляет основы политического строя государства, основы политического процесса, связанного с формированием органов государственной власти, взаимоотношением государственных учреждений с гражданским обществом. Вместе с тем, конституция является нормативным правовым актом и каждое положение следует рассматривать как нормативное предписание. Отсюда можно сделать вывод, что любое исследование, касающееся содержания конституционных норм, должно проводиться с использованием юридического инструментария, опираться на юридическую практику применения конституционных норм. Однако, нельзя исключить и политологическую составляющую, поскольку в выводах правового характера часто можно найти доктринальную по-

литологическую основу. Например, основы территориального устройства государства имеют политологическую составляющую. Юридическая составляющая присутствует там, где возникают правоотношения, закрепляемые нормами права. Так, взаимоотношения между органами государственной власти федерации и ее субъектами закрепляются законом (или договором), возникающие коллизии по вопросу о соблюдении договорных обязательств между федерацией и субъектами разрешаются на основе правовых норм. Что же касается вопросов формирования субъектного состава федерации, то это вопрос политики. Решение об изменении состава субъектов федерации принимается политиками, а вот процедуру такого изменения разрабатывают юристы, поскольку правовые нормы должны быть «встроены» в действующую правовую систему.

Переплетение политологических догматов и юридических конструкций определяет и суть дискуссий о политико-правовом содержании конституции страны. Эти вопросы рассматривались еще в советском юридическом дискурсе [2]. В коллективной монографии «Общие начала теории социалистической конституции» (1986 г.) отмечалось: «Конституирование политики, правовое опосредование политических программ и акций - одна из основных функций социалистических конституций. Производимая ими своеобразная «юридизация» политических отношений ставит действия субъектов политического процесса в определенные правовые рамки» [2, с. 59].

Очевидно, что в советский период социалистические конституции выполняли не столько регулятивную, сколько идеологическую функцию. Но и регулятивный потенциал конституций был весьма значителен. Вся система органов власти, основы формирования представительных и исполнительных органов и их полномочия, территорияльное устройство, основные права и свободы человека определялись Основным законом государства. Конституционные нормы были выверены с точки зрения соответствия требованиям юридической техники. Это требовало особого подхода, трактуемого как нормативистский, что воспринималось не всеми. В упомянутой коллективной монографии отмечалось: «в государствоведении еще не преодолена приверженность к жестко нормативной трактовке способов и самого предмета конституционно-правового регулирования» [2, с. 61]. Объяснялся такой подход настороженностью «некоторых государствоведов к таким тенденциям развития нашей науки, как ее «политологизация», «социологизация», а в итоге «размывание» границ инструментария и предмета конституционно-правового регулирования» [2, с. 61].

Дискуссия о юридическом содержании используемых в Конституции РФ терминов актуальна и сегодня. Н.А. Боброва отмечает: «Особенно зыбка грань между конституционным правом и политологией, социальной психологией, историей и философией права» [3, с. 17]. Эта грань проходит, прежде всего, по понятийному аппарату, интерпретации его содержательного наполнения и понимания. Использование одинаковых терминов представителями гуманитарных наук неизбежно, поскольку анализируются различные аспекты развития общественных отношений. Вместе с тем, у термина может быть свое узкопрофессиональное содержание, которое отражает специфику изучаемых отношений и помогает акцентировать внимание на особенностях их проявления.

Нельзя избежать и политической составляющей суждений представителей юридической науки, поскольку политика и право всегда идут рядом, оказывают влияние друг на друга: политические решения часто предшествуют правовому регули-

рованию, а право «связывает» политику, определяет рамки возможного при принятии политических решений. Но такая связанность не исключает собственного понятийного аппарата, поскольку любая самостоятельная наука вырабатывает свой терминологический ряд с особым содержанием.

О широкой политизации «историков, юристов, философов, филологов, культурологов и других категорий научных работников» пишет доктор социологических наук С.Н. Паршуткин [4]. Оценка того или иного социального явления с позиций встроенности его в существующие правоотношения может быть односторонней, если не учитывать их политическую и юридическую компоненты, не акцентировать внимание на особенностях их узкопрофессионального содержания. Особенно актуально это для отношений, политическая составляющая которых является преобладающей, а право лишь определяет рамки возможного поведения для участников политического процесса.

Например, избирательные отношения во многом имеют политическую природу. Часть их не подлежит формализации посредством закрепления в нормах права. Так, невозможно формализовать общение кандидата на выборную должность с избирателями на предвыборных собраниях. Высказываемые кандидатом суждения, политические оценки, обещания защищать интересы избирателей в случае избрания имеют политическую природу. Закон предусматривает возможность проведения такого мероприятия, но не может закреплять его содержательную часть. Правом регламентированы только отношения, связанные с арендой помещения, временными рамками проведения встреч, защитой чести и достоинства участников избирательного процесса (корректность высказываний и характеристик соперников). Политическими являются внутрипартийные взаимоотношения, связанные с выдвижением кандидатов в одномандатных округах, формированием списков кандидатов, организацией контроля за голосованием на избирательных участках и т. д. Право закрепляет оформление партийных решений (регистрация избиратель-

ных списков, кандидатов в депутаты, присутствие наблюдателей на участках во время голосования).

В то же время, перенесение часто используемых в политическом дискурсе формулировок в нормативные акты без критической их оценки действительно приводит к «размыванию» понятий. Например, в обиходном и даже публичном общении допустимо использование словосочетания «смешанная избирательная система», поскольку ее содержание понятно всем участникам избирательного процесса. Но эта лингвистическая конструкция недопустима в нормативном акте, поскольку она не может служить обозначением конкретной избирательной системы в силу ее отсутствия. При формировании парламента с использованием мажоритарной и пропорциональной избирательных систем третьей системы (смешанной) не возникает [5, с. 48].

Следует отметить, что сугубо политические отношения правом не регулируются, т.е. при взаимоотношениях сторон между ними не возникает правоотношений, у них нет взаимных прав и обязанностей, обусловливаемых правовой связью в конкретной ситуации. Например, на предвыборном собрании между кандидатом и участниками собрания правоотношения не возникают. Это политическое по своему содержанию мероприятие, целью которого является общение кандидата с потенциальными избирателями, провозглашение кандидатом своих планов в случае своего избрания депутатом, а задача избирателей увидеть возможности претендента достойно представить их интересы в выборном органе. У собрания как совокупности граждан нет правосубъектности, у кандидата в депутаты правосубъектность есть, но она проявляется не в отношении членов предвыборного собрания.

Возникает вопрос – какими признаками должен отвечать термин, используемый в юридическом исследовании? В отличие от общепринятого в гуманитарных науках термина (социологического, философского, политологического) юридический термин

должен иметь юридическое содержание. Например, слово «власть» имеет разную трактовку в зависимости от сферы научного знания. Часто можно встретить лингвистические конструкции «власть коррумпирована», «власть не прислушивается к народу», «представители власти» и т. д. Можно ли в них усмотреть юридическое содержание? Нет, поскольку слово используется для обозначения абстрактного образа, под которым подразумевается некая совокупность структур либо должностных лиц, наделенных полномочиями принимать общеобязательные решения.

Даже формируя лингвистическую конструкцию из двух слов, мы не можем быть уверены, что этот термин получает конкретное юридическое содержание, т. е. может означать объект в его юридическом значении. Например, добавляя к слову «власть» прилагательное «государственная» и включая эту конструкцию (государственная власть) в нормативный правовой акт, мы не можем утверждать, что получили термин, имеющий четко определенное юридическое содержание. Так, в статье 10 Конституции РФ читаем: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». Выделим конструкцию: «государственная власть ... осуществляется»¹. Можем ли мы ответить на вопрос что имел в виду конституционный законодатель? Ясно одно, раз государственная власть осуществляется, значит под государственной властью законодатель не имел в виду органы власти – органы не могут осуществляться. Но открывая учебники по конституционному праву видим трактовку этой конституционной нормы вполне однозначную: государственная власть - это органы власти. Возможно, так привычно, удобно и в контексте изложения материала понятно. Но юридического смысла нет. Есть политологическое понимание текста. Иная лингвистическая конструкция - «орган государственной власти» - имеет юридический смысл, поскольку термин обозначает субъект права, имею-

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

ций правовой статус со всеми присущими сторонам правоотношений правами, обязанностями, ответственностью.

Конституционный законодатель в статье 11 (часть 2) закрепляет: «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти». Статья 118 (часть 2) Конституции фиксирует: «Судебная власть осуществляется ...». Приведенные конституционные понятия определенно ясно согласуются с выводом о не отождествлении терминов «государственная власть» и «орган власти».

В Конституции РФ можно встретить различные лингвистические построения с использованием слова «государственная власть». Например, в статье 73 читаем: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Поскольку речь идет о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным и региональными органами государственной власти то под правовой конструкцией «полнота государственной власти» следует понимать объем полномочий, которыми обладают субъекты Российской Федерации. Таким образом, юридическое содержание данного понятия в рассматриваемом контексте просматривается достаточно отчетливо: разграничиваются властные полномочия между субъектами права, а не государственная власть. Такой вывод делается не впервые [6, с. 45], но устоявшийся подход к трактовке термина «государственная власть» сохраняется, поскольку он привычен и понятен, хотя имеет политологическое понимание.

Необходимо отметить, что и в тексте Конституции РФ имеются положения, позволяющие трактовать «власть» как орган. В статье 18 читаем: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение закона, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Очевидно,

что юридическое наполнение конституционных норм статей 10-й и 18-й различается, согласовать их поправками не получится в силу защищенности 1 и 2 глав Основного закона. Остается принять одно из двух возможных пониманий, руководствуясь логикой и юридическим смыслом, выводимым из анализа совокупности конституционных норм.

Использование распространенных терминов неизбежно приводит к конкуренции их понимания в юридическом, политологическом, философском смыслах. Зачастую достаточно сложно определить их содержательное наполнение даже исходя из контекста, где они применены. Не всегда это требуется для понимания текста, адресованного широкому кругу читателей, изложенного мнения в речевой коммуникации. Однако, например, в аналитическом исследовании соблюдение «юридической чистоты» понятий необходимо. Во-первых, это влияет на восприятие текста, во-вторых, является свидетельством профессиональной подготовки автора.

Имеются ли критерии оценки юридической чистоты понятий? Одним из них является оценка юридического текста с позиций отражения в нем базовой основы юриспруденции – правовых отношений. Стороны правоотношений (субъекты права), их права и обязанности вместе с процессом реализации прав, процессом привлечения к ответственности составляют ту совокупность взаимосвязей, которая является объектом юридического анализа. Если в процессе этого анализа применяемые термины адекватно отражают суть правовых отношений, тогда можно считать, что они используются в их юридическом понимании. Если используемые в научном тексте термины не отражают существо правоотношений, не позволяют ответить на вопросы, возникающие, например, в сфере реализации права, тогда они применяются в ином, не правовом значении.

Наиболее сложно разграничить понятия в их юридическом и политологическом значении в конституционном праве. Законотворческие [7], избирательные процедуры наиболее тесно связаны с политикой, политическими нормами. Но это

не дает основание не обращать внимание на проблему юридической определенности терминов, используемых для закрепления правоотношений.

Список литературы

1. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т.VI. Конституционное право России: монография / под ред. проф. Н. А. Бобровой и проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ. 2021. 560 с.
2. Общие начала теории социалистической конституции. – М.: Изд-во «Наука», 1986. 238 с.
3. Боброва Н. А. Современные тенденции научных исследований и их влияние на категориальный аппарат юриспруденции // Правоприменение. 2024. Т.8. № 2. С. 15-24.
4. Паршуткин С. Н. Игнорируя ученых-обществоведов, власть готовит новую «перестройку» // Общественная служба новостей. 2021. 11 сент.
5. Малый А. Ф. Смешанная избирательная система: существует ли она? // Российская юстиция, 2014. № 6. С. 48-50.
6. Малый А. Ф. Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Северодвинск. 2000. 342 с.
7. Малый А. Ф., Гмырин М. А. Организация областного парламента. – Архангельск, 2001. 208 с.

References

1. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia. In 12 volumes T.VI. Constitutional Law of Russia: monograph/ed. Prof. N.A. Bobrova and prof. R.L. Khachaturova. M.: Yurlitinform. 2021. 560 p.
2. General principles of the theory of the socialist constitution. - M.: Publishing house «Science», 1986. 238 p.
3. Bobrova N. A. Modern trends in scientific research and their impact on the categorical apparatus of jurisprudence // Law enforcement. 2024. T.8. № 2. Pp. 15-24.
4. Parshutkin S. N. Ignoring social scientists, the authorities are preparing a new «restructuring» // Public News Service. 2021. Sept. 11
5. Maly A. F. Mixed electoral system: does it exist ? // Russian Justice, 2014. № 6. Pp. 48-50.
6. Maly A. F. Organization of state authorities of the region as a subject of the Russian Federation: dissertation for the degree of Doctor of Law. – Severodvinsk. 2000. 342 p.
7. Maly A. F. Gmyrin M.A. Organization of the regional parliament. - Arkhangelsk, 2001. 208 p.

Информация об авторе (авторах): Малый Александр Федорович, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1; профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д.68), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author(s): Maly Alexander Fedorovich, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russia, Kazan, Kremlin St., 18, building 1; Professor National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya St., Saransk, Russia), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 06.04.2026; approved after 21.05.2026 review; accepted for publication 05.06.2026.

Об объекте административных правонарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности

Н.В. Галицкая

*Северо-Западный институт Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
naykla@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются отдельные вопросы, связанные с объектом административных правонарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Автором установлено, что административная ответственность за административные правонарушения в сфере обеспечения продовольственной безопасности характеризуется множественностью родовых объектов, поскольку соответствующие составы административных правонарушений содержатся в разных главах КоАП РФ. Систематизацию норм, устанавливающих данные составы, с формированием отдельной главы Особенной части КоАП РФ автор считает нецелесообразной ввиду сопутствующего этому разукрупнения существующих в настоящее время родовых объектов административных правонарушений, которые объединены по устоявшемуся критерию принадлежности к тем или иным отраслям или сферам государственного управления. В связи с этим совершенствование норм федерального административно-деликтного законодательства может осуществляться в направлении оптимизации норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в продовольственной сфере в рамках текущего структурирования глав Особенной части КоАП РФ.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, продовольственная безопасность, родовый объект, агропромышленный комплекс.

Для цитирования: Галицкая Н.В. Об объекте административных правонарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 20–24.

Original article

About the object of administrative offenses in the field of food security

N.V. Galitskaya

*North-Western Institute of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
Saint-Petersburg, Russian Federation
naykla@mail.ru*

Abstract. The article examines certain issues related to the object of administrative offenses in the field of food security. The author has established that administrative responsibility for administrative offenses in the field of food security is characterized by a multiplicity of generic objects, since the corresponding elements of administrative offenses are contained in different chapters of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author considers it inappropriate to systematize the norms establishing these structures with the formation of a separate chapter of the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation due to the accompanying unbundling of the currently existing generic objects of administrative offenses, which are united according to a well-established criterion of belonging to certain branches or spheres of public administration. In this regard, the improvement of the norms of federal administrative and tort legislation can be carried out in the direction of optimizing the norms establishing administrative responsibility for offenses in the food sector within the framework of the current structuring of the chapters of the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Key words: administrative offenses, administrative responsibility, food safety, generic facility, agro-industrial complex.

For citation: Galitskaya N.V. About the object of administrative offenses in the field of food security // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 20–24.

Административная ответственность за правонарушения в области обеспечения продовольственной безопасности в качестве одной из своих особенностей имеет отсутствие единого родового объекта посягательства соответствующих деяний, что обусловлено спецификой продовольственной сферы.

Следовательно, не все административные правонарушения в этой сфере могут рассматриваться в качестве однородных, то есть имеющих единый родовой объект посягательства¹, который определяется по составам, содержащимся в одной главе Особенной части КоАП РФ². Федеральный законодатель не оперирует в КоАП РФ термином «продовольственная безопасность», равно как и иными понятиями, выражающими тот или иной вид безопасности, за исключением общественной, которой отведена специальная 20 глава КоАП РФ. В последнем случае родовой объект имеет довольно четкие очертания, что делает целесообразным концентрацию соответствующих составов административных правонарушений в указанной главе.

В то же время общественные отношения в области обеспечения продовольственной безопасности отдельный родовой объект составлять не могут, поскольку состояние защищенности личности, общества и государства от продовольственных угроз достигается за счет широкого спектра видов человеческой деятельности. Они имеют разное содержание и охватываются собственным законодательством, регулирующим определенный род общественных отношений (в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, сельского хозяйства, предпринимательской деятельности и др.). Кроме того, даже не всякая дезорганизация общественных отношений в области сельского хозяйства затрагивает продовольственную безопасность. Например,

в главу 10 КоАП РФ «Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель» включена группа составов административных правонарушений, посягающих на установленные правила, которые связаны с выращиванием и борьбой с наркосодержащими растениями, что не имеет отношения к обеспечению продовольственной безопасности.

Анализ содержания КоАП РФ показывает, что законодатель осуществляет административно-правовую охрану социальных связей в области обеспечения продовольственной безопасности посредством выделения видовых и непосредственных объектов в рамках различных глав Особенной части КоАП РФ. Например, непосредственный объект в виде общественных отношений, возникающих в связи с закупкой, хранением и рациональным использованием зерна и продуктов его переработки, производством продуктов переработки зерна (ст. 7.18 КоАП РФ) выделяется внутри родового объекта, который образуют отношения собственности. Наличием общего видового объекта, который составляют общественные отношения в области рационального использования и охраны почв, характеризуется ряд составов 8 главы КоАП РФ (невыполнение обязательных мероприятий по охране почв и улучшению земель, обязанностей по рекультивации земель, порча земель) и т.д. Так, захламливание земель сельскохозяйственного назначения, в первую очередь, посягает на окружающую среду [1, с. 62], несмотря на то, что негативным образом влияет и на состояние продовольственной безопасности.

Кроме того, ряд составов административных правонарушений имеют универсальный характер, будучи рассчитанными на охрану широкого круга общественных отношений в рамках осуществления предпринимательской деятельности (глава 14

¹ См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (в ред. от 9 декабря 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6; 2026. № 1.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 2 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. I. Ст. 1; 2026. № 18. Ст. 2288.

КоАП РФ), выступающего критерием для выделения соответствующего родового объекта. В данном случае в рамках него можно выделить некоторые не имеющие отраслевой конкретизации социальные связи, которые могут рассматриваться в качестве непосредственных объектов административных правонарушений. Они могут быть ориентированы на обеспечение не только продовольственной безопасности, но и нормального функционирования различных экономических отраслей вне рамок агропромышленного комплекса. В частности, речь идет о нарушении порядка ценообразования (ст. 14.6 КоАП РФ). Продовольственную безопасность данный состав обеспечивает постольку, поскольку регулируемые государством цены могут устанавливаться и в отношении продукции агропромышленного комплекса. Соответственно, завышение таких цен сказывается на экономической доступности пищевых продуктов, которая является одним из показателей продовольственной безопасности. Кроме того, нельзя не отметить состав в виде нарушения изготовителем, исполнителем, продавцом требований технических регламентов (ст. 14.43 КоАП РФ), которые разработаны для совершенно разнообразных сфер, включая связанные с продовольственной безопасностью (применяемые на пространстве ЕАЭС технические регламенты на мясную, молочную и иную пищевую продукцию). Целый блок составов образуют нарушения антимонопольного законодательства, которые также могут быть связаны с дезорганизацией рынка продовольственных товаров [2, с. 144].

О.В. Рахматуллина и Т.С. Черновол полагают необходимым систематизировать нормы об административной ответственности за правонарушения в области обеспечения продовольственной безопасности посредством выделения специальной главы в КоАП РФ [3, с. 14–15]. Однако, во-первых, такой подход приведет к десистематизации других норм, которые устанавливают ответственность за правонарушения, имеющие единый родовый объект посягательства, например, посредством исключения норм об ответственности за нарушение правил

обращения с агрохимикатами и пестицидами из главы об экологических правонарушениях и т.д. Таким образом, реализация данного предложения приведет к фрагментации ряда родовых объектов административных правонарушений, что нежелательно, поскольку повторное совершение лицом административного правонарушения в условиях перераспределения отдельных статей в главу о деяниях в области обеспечения продовольственной безопасности в соответствующих случаях перестанет быть обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Содержащиеся в настоящее время в КоАП РФ главы Особенной части скомпонованы так, что предусмотренные в них деяния часто образуют блоки правонарушений, которые может совершить одно и то же лицо. Поэтому в таком формате они и должны оставаться, что гарантирует ужесточение ответственности при повторном совершении однородных административных правонарушений. Во-вторых, простой перенос статей, имеющих отношение к продовольственной безопасности, в отдельную главу КоАП РФ без совершенствования соответствующих норм не даст никакого позитивного эффекта ввиду сохранения тех же составов и практических подходов к квалификации деяний. В-третьих, многие главы Особенной части КоАП РФ также связаны с обеспечением различных видов безопасности – экономической, экологической, информационной, промышленной, миграционной и др. Однако прямо они в тексте КоАП РФ не называются, поскольку к их обеспечению имеют отношение разные его главы. Выделение главы об административных правонарушениях, посягающих на продовольственную безопасность, выглядело бы как демонстрация ее приоритета перед другими видами безопасности, в то время как обеспечение «безопасности должно осуществляться на основе сбалансированного подхода, исключающего приоритет одного вида безопасности перед другим» [4, с. 180].

В контексте данного вопроса следует упомянуть и о последнем проекте нового КоАП РФ¹, который так и не был принят

¹ См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/99059/> (дата обращения: 14.05.2026).

по причине в числе прочего критических отзывов со стороны научного сообщества [5, с. 44–51; 6, с. 14–41]. Тем не менее он содержит и положительные моменты в части, касающейся рассматриваемой проблематики. Его разработчики не сочли необходимым выделять самостоятельный родовой объект, объединяющий общественные отношения в области обеспечения продовольственной безопасности, сохранив существующий подход, но в несколько модифицированном виде, и оставив неизменным распределение составов административных правонарушений в данной области по разным главам Особенной части. Например, нарушение требований к организации питания населения (ст. 10.6 проекта), нарушение законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности (ст. 10.9 проекта) охватываются содержанием главы об административных правонарушениях, посягающих на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и здоровье человека. Деяние в виде нарушения правил хранения или реализации продуктов животноводства (ст. 12.3 проекта) включено в главу об административных правонарушениях,

посягающих на права потребителей, и т. д.

Таким образом, административная ответственность за административные правонарушения в сфере обеспечения продовольственной безопасности характеризуется множественностью родовых объектов, поскольку соответствующие составы административных правонарушений содержатся в разных главах КоАП РФ. Систематизация норм, устанавливающих данные составы, с формированием отдельной главы Особенной части КоАП РФ представляется нецелесообразной ввиду сопутствующего этому разукрупнения существующих в настоящее время родовых объектов административных правонарушений, которые объединены по устоявшемуся критерию принадлежности к тем или иным отраслям или сферам государственного управления. В связи с этим совершенствование норм федерального административно-деликтного законодательства может осуществляться в направлении оптимизации норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в продовольственной сфере в рамках текущего структурирования глав Особенной части КоАП РФ.

Список литературы

1. Королев С. Ю. Правовой механизм обеспечения экологической безопасности при использовании земельных ресурсов // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 55–64.
2. Кудрявцева Л. В., Петров И. В. Правовые аспекты регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 142–145.
3. Рахматуллина О. В., Черновол Т. С. Вопросы качества и безопасности пищевых продуктов как элемент продовольственной безопасности // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. № 5 (38). С. 11–15.
4. Куликова О. В., Сорокина Ю. В. Принципы и риски продовольственной безопасности в контексте обеспеченности государства природными ресурсами // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 174–181.
5. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44–51.
6. Старилов Ю. Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 14–41.

References

1. Korolev S.Yu. The legal mechanism for ensuring environmental safety in the use of land resources // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 55–64.
2. Kudryavtseva L. V., Petrov I. V. Legal aspects of regulating prices for agricultural products in Russia // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (61). Pp. 142–145.
3. Rakhmatullina O. V., Chernovol T. S. Issues of food quality and safety as an element of food security // Universum: economics and jurisprudence. 2017. № 5 (38). Pp. 11–15.

4. Kulikova O. V., Sorokina Yu.V. Principles and risks of food security in the context of the provision of the state with natural resources // Legal policy and legal life. 2024. № 4. Pp. 174-181.
5. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. A critical look at the drafts of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offences // Administrative Law and Process. 2020. № 8. Pp. 44-51.
6. Starilov Yu. N. The concept of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the «fate» of administrative and tort law: two recent issues in modern legal theory // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2020. № 2 (41). Pp. 14-41.

Информация об авторе (авторах): Галицкая Наталья Владимировна, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, д. 57/43), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Galitskaya Natalya Vladimirovna, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (199178, St. Petersburg, Sredny Prospekt Vasilyevsky Island, 57/43).

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 07.04.2026; approved after 15.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Научная статья
 УДК 342.413
 DOI: 10.70569/2949-5725.2026.11.2.004

Феномен стимулирования в публичных отраслях права

А.А. Нигметзянов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
 Казань, Российская Федерация
 diamondnig@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования понятия «стимулирование» как общей правовой категории, применяемой в публичных отраслях права. Дается оценка нормам публичных отраслей права, предусматривающим закрепление поощрения с точки зрения признания такого поощрения правовым стимулированием. Формулируется вывод о возможности повышения уровня управления социальными отношениями властным аппаратом путем внедрения механизма стимулирования. По мнению автора статьи, реализация правового стимулирования, включающая в себя аспекты, как нормотворчества, так и прямого побуждения граждан к исполнению правил, определяемых государством, приобретает особенности в зависимости от сферы применения. При этом проявление стимулирующих начал в смежных и близких по правовому регулированию отраслях, несмотря на идентичность осуществления, имеет особые черты. Наиболее подверженными правовому стимулированию являются публичные отрасли права, направленность которых определяется выполнением задач, обусловленных необходимостью защиты прав граждан, достижения целей, стоящих перед государством. Особое внимание в статье уделяется вопросу правового стимулирования, включающему в себя различные аспекты создания условий для реализации правовых норм (правовые и неправовые), в которых заложены элементы побуждения граждан к целесообразному для государства поведению. При этом категория правового стимулирования включает в себя возможность применения как положительных, так и негативных последствий, в то время как явление самого стимулирования несет в себе направленность положительного влияния на личность, побуждение его к определенным действиям через применение благ в рамках желаемого поведения. Проявление стимулирующих норм права в отраслях муниципального, административного и финансового права реализуется с учетом специфических особенностей каждой сферы, в рамках устойчиво сформированной модели побуждающего нормотворчества. В заключение формулируются научные выводы, обладающие признаками новизны, теоретической и практической значимости.

Ключевые слова: стимул, стимулирование, побуждение, поощрение, отрасль права, публичное право.

Для цитирования: Нигметзянов А.А. Феномен стимулирования в публичных отраслях права // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 25–29.

Original article

The phenomenon of incentives in public Law

A.A. Nigmatzyanov

*Kazan (Volga Region) Federal University,
 Kazan, Russian Federation
 diamondnig@mail.ru*

Abstract. The article discusses the use of the concept of «stimulation» as a general legal category used in public branches of law. An assessment is made of the rules of public branches of law providing for the consolidation of incentives in terms of recognizing such incentives as legal incentives. A conclusion is formulated about the possibility of increasing the level of management of social relations by the government apparatus by introducing an incentive mechanism. According to the author of the article, the implementation of legal incentives, which includes aspects of both rule-making and direct inducement of citizens to comply with the rules determined by the state, acquires features depending on the scope. At the same time, the manifestation of stimulating principles in related and similar industries, despite the identity of the implementation, has special features. The most susceptible to legal incentives are public branches of law, the focus of which is determined by the fulfillment of tasks stipulated by the need to protect the rights of citizens and achieve the goals of the state. The article pays special attention to the issue of legal incentives, which includes various aspects of creating conditions for the implementation of legal norms (legal and non-legal), which contain elements of inducing citizens to behave expediently for the state.

At the same time, the category of legal incentives includes the possibility of applying both positive and negative consequences, while the phenomenon of incentives itself carries the orientation of a positive influence on the individual, prompting him to take certain actions through the use of benefits within the framework of the desired behavior. The manifestation of stimulating norms of law in the branches of municipal, administrative and financial law is implemented taking into account the specific features of each sphere, within the framework of a steadily formed model of stimulating rule-making. In conclusion, scientific conclusions are formulated that have signs of novelty, theoretical and practical significance.

Key words: incentive, inducement, encouragement, branch of law, public law.

For citation: Nigmatzyanov A.A. The phenomenon of incentives in public Law // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 25–29.

Для наиболее полного понимания содержания дефиниции правового стимулирования, видится целесообразным рассмотреть смысл исходной категории «стимул». С одной позиции стимул определяется в качестве причины, побуждающей к деятельности [1, с. 535], с другой – стимулирование соотносится с заинтересованностью в завершении определенного дела [2, с. 356]. В психологии стимул рассматривается как побудительный фактор, оказывающий влияние на внутреннее эмоциональное состояние личности [3].

Примечательно, что правовое стимулирование используется законодателем в различных ситуациях в зависимости от задач, на решение которых направлена стимулирующая норма. Для этого применяются различные юридические конструкции, в основе которых лежит всегда ключевая дефиниция – стимулирование, которая отражается в нормах посредством закрепления правовых отношений [4]. Представляется целесообразным применять понятие правового стимулирования как единого феномена, обусловливаемого правом вне зависимости от способа влияния на личность. Вместе с тем, по мнению одних авторов правовое стимулирование представляет собой внешнее воздействие на человека, в том числе через создание условий для заинтересованности личности в совершении / не совершении деяний [5, с. 35], посредством предоставления ему определенных благ [6, с. 25]. Большинство исследователей едины в том, что правовое стимулирование как действие, а также правовой стимул как статичное явление, несут в себе позитивный посыл для индивида [7, с. 115]. Иными словами, побуждение, направленное на достижение общественно-значимой

цели, достигается посредством поощрения, гарантируемого государством через законодательное закрепление. При этом часть авторов указывают на наличие в явлении правового стимулирования некой дихотомии [8, с. 106], выраженной в сочетании элементов ответственности и поощрения при соблюдении гражданином правил, установленных законом. Иными словами, стимулирующие нормы предполагают как поощрение за достижение определенного результата, так и наказание за нарушение запрета. Поощрительная (стимулирующая) норма через предоставление благ уже предусматривает необходимость следования установленным правилам, а закрепляющая ответственность – неблагоприятные последствия для нарушителя. В данной связи укажем, что правовое стимулирование несет в себе четкий посыл по отношению к гражданину, но и предполагает обязанность государства обеспечить обещанное вознаграждение или при наличии нарушения – применить меры ответственности. Возможность привлечения к ответственности является эффективным средством воздействия на личность, используемым государством для успешной реализации своих функций [9], упорядочивания общественных отношений в различных сферах общественного бытия, а также одним из способов обеспечения общественной безопасности [10]. Таким образом, справедливо утверждение, согласно которому правовое стимулирование представляет собой средство влияния, направленное на побуждение гражданина к положительному для государства действию через предоставление благ, а также воздержанию от совершения деяний, запрещенных нормой закона.

Широкое использование законодателем

стимулирующих норм позволяет решать широкий круг задач, одинаково важных для государственного строительства, а также обеспечения прав и свобод граждан [11]. При этом государство должно создавать условия для реализации стимулирующих норм, что обеспечивается, в том числе, процессуальным законодательством, активным использованием средств цифровой коммуникации, которые влияют на осознание человеком всех последствий реализации стимулирующих предписаний.

Таким образом, представляется, что правовое стимулирование включает в себя различные аспекты создания условий для реализации правовых норм (правовые и неправовые), в которых заложены элементы побуждения граждан к выгодному для государства поведению. При этом категория правового стимулирования включает в себя возможность применения как положительных, так и негативных последствий, в то время как явление самого стимулирования несет в себе направленность положительного влияния на личность, побуждение его к определенным действиям через применение благ в рамках желаемого поведения.

Реализация правового стимулирования, включающая в себя аспекты, как нормотворчества, так и прямого побуждения граждан к исполнению правил, определяемых государством, приобретает особенности в зависимости от сферы применения [20, с. 110]. При этом проявление стимулирующих начал в смежных и близких по правовому регулированию отраслях, несмотря на идентичность осуществления, имеет особые черты. Видится, что наиболее подверженными правовому стимулированию являются публичные отрасли права, направленность которых определяется выполнением задач, обусловленных необходимостью защиты прав граждан, достижения целей, стоящих перед государством.

Наиболее интересными для исследования являются взаимосвязи самих отраслей, а также их соотношения в аспекте реализации правового стимулирования в административном [12], финансовом [13], налоговом [14], бюджетном [15], муниципальном праве [16] иных отраслях публичного права [19]. Тесная взаимосвязь названных от-

раслей обусловлена их единым началом, заложенным законодателем в сущность самих отраслей. При этом единство заключается не только в их публичном характере, но и в тесном взаимодействии институтов, идентичности используемых дефиниций и нормативных конструкций.

Целесообразно изучать взаимосвязь отраслей через их соотношение с административным правом, поскольку сфера административного регулирования затрагивает и область финансового и муниципального права. Существует мнение, что соотношение административного и муниципального права сопоставимо с характеристикой первого как составной части второй отрасли [17]. Отмечается, что административное право включает в себя нормы, характеризующие управленческие отношения, что свойственно для ряда норм муниципального права. При этом муниципальное право предполагает влияние на общественные отношения с двух направлений: с одной стороны, непосредственная реализация норм муниципального права, выражающаяся в регулировании муниципальных отношений, а с другой – исполнение решений органов местного самоуправления с использованием норм административного права [17]. Справедлив вывод о том, что подобное взаимопроникновение дает положительный результат, способствует решению задач правового регулирования.

Разграничение административного и финансового права видится более очевидным ввиду явного различия сфер регулирования – в первом случае решаются задачи реализации исполнения решений властного аппарата, а во втором раскрываются сферы финансовой деятельности [18]. При этом взаимосвязь двух отраслей заключается в общих целях, а также использовании методов, свойственных управленческой деятельности.

Проявление стимулирующих норм права в отраслях муниципального, административного и финансового права реализуется с учетом специфических особенностей каждой сферы, в рамках устойчиво сформированной модели побуждающего нормотворчества. Представляется, что правовое стимулирование в названных сферах приобретает общие черты ввиду наличия единых правовых инструментов, использу-

емых законодателем для побуждения субъектов права к выгодному для государства действию, а с другой стороны – создают условия для благоприятного существования личности в государстве.

Таким образом, единение административного, муниципального и финансового права заключается не только в тесном взаимодействии уже существующих норм ввиду

регулирования взаимосвязанных отношений, но и в создании идентичных по содержанию формальных и закрепляемых правил с учетом особенностей каждой сферы. Данное положение также применимо и к стимулирующим нормам, являющимся по своей природе способом управления социумом для достижения результата, поставленного государством.

Список литературы

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. Москва: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997. 939 с.
3. Шапаря В. Б. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В.Б. Шапаря. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 632 с.
4. Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56-58.
5. Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2006. 172 с.
6. Бриллиантова Н. А., Архипов В. В. Мотивация труда работников государственных (муниципальных) учреждений // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2012. № 3. С. 22-32.
7. Звечаровский И.Э. Стимулирование в праве: Понятие и структурные элементы // Правоведение. 1993. № 5. С. 112-117.
8. Исаков В. Б., Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978; [Рецензия] // Правоведение. 1980. № 3. С. 106-107.
9. Малый А.Ф. Функциональный анализ в системе методов конституционно-правового исследования // Государственная власть и местное самоуправление, 2016. № 10. С. 22-26.
10. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. VI. Конституционное право России: монография / под ред. проф. Н.А. Бобровой и проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ. 2021. 560 с.
11. Малый А. Ф., Цвиль В. С. Права и свободы человека и гражданина: проблемы вертикального разграничения законодательной компетенции: моногр. / А.Ф.Малый, В.С. Цвиль. Архангельск: Сев. (Аркт.) фед. ун-т, 2011. 278 с.
12. Нигметзянов А. А. Стимулирующие нормы в административном праве // Право и государственность. 2024. № 2 (3). С. 44-48.
13. Нигметзянов А. А. Принципы государственного финансового стимулирования // Финансовое право. 2024. № 6. С. 2-5.
14. Абдреев Т. И., Нигметзянов А. А. К вопросу о налогово-правовом стимулировании в Российской Федерации // Налоги. 2024. № 4. С. 18-21.
15. Нигметзянов А. А. Бюджетно-правовое стимулирование: проблемы правового регулирования // Финансовое право. 2025. № 11. С. 2-4.
16. Нигметзянов, А. А. Поощрение муниципальных образований: понятие и сущность // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8 (165). С. 46-56.
17. Сергеев А. А. Соотношение муниципального и административного права // Современное право. 2007. № 1. С. 88-92.
18. Петрыкина Н. И. К вопросу о соотношении норм административного и финансового права // Вестник МГИМО. 2013. № 3 (30). С. 110-115.
19. Адвокатская деятельность и адвокатура в России : Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. 527 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.
20. Шайхуллин М. С. О некоторых вопросах правового регулирования применения мер поощрения к муниципальным образованиям / М. С. Шайхуллин, Д. Н. А. Абдулрида // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1. С. 106-110. – EDN DHDWUW.

References

1. Ushakov D. N. Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition / D. N. Ushakov. Moscow: House of Slavyanskaya Prince., 2008. 959 p.

2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., M., 1997. 939 p.
3. Shaparya V. B. The latest psychological dictionary / under the general. ed. V.B. Shaparya. 2nd ed. Rostov n/D: Phoenix, 2006. 632 p.
4. Nigmatzyanov, A. A. Stimulation as a method of positive impact on personality // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2022. № 4 (61). Pp. 56-58.
5. Levin O. V. Stimulation in law: theoretical and practical aspects: dis.... cand. jurid. sciences. Saransk, 2006. 172 p.
6. Brilliantova N. A., Arkhipov V.V. Motivation of workers of state (municipal) institutions // Personnel Department of the state (municipal) institution. 2012. № 3. Pp. 22-32.
7. Zvecharovsky I. E. Stimulation in law: Concept and structural elements // Jurisprudence. 1993. № 5. Pp. 112-117.
8. Isakov V. B., Baranov V. M. Incentive norms of Soviet socialist law. Saratov: Sarat Publishing House. University, 1978: [Review] // Jurisprudence. 1980. № 3. Pp. 106-107.
9. Maly A. F. Functional analysis in the system of methods of constitutional and legal research // State power and local self-government, 2016. №10. Pp. 22-26.
10. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia. In 12 volumes T. V. Constitutional Law of Russia: monograph / ed. Prof. N. A. Bobrova and prof. R. L. Khachaturova. M.: Yurlitinform. 2021. 560 p.
11. Maly A. F., Zvil V. S. Human and civil rights and freedoms: problems of vertical delimitation of legislative competence: monogr. / A. F. Maly, V. S. Zvil. Arkhangelsk: North. (Arct.) Fed. un-t, 2011. 278 p.
12. Nigmatzyanov A. A. Stimulating norms in administrative law // Law and statehood. 2024. № 2 (3). Pp. 44-48.
13. Nigmatzyanov A. A. Principles of state financial incentives // Financial law. 2024. № 6. Pp. 2-5.
14. Abdreev T. I., Nigmatzyanov A. A. On the issue of tax and legal incentives in the Russian Federation // Taxes. 2024. № 4. Pp. 18-21.
15. Nigmatzyanov A. A. Budgetary and legal incentives: problems of legal regulation//Financial law. 2025. № 11. Pp. 2-4.
16. Nigmatzyanov, A. A. Promotion of municipalities: concept and essence // Actual problems of Russian law. 2024. T. 19, № 8 (165). Pp. 46-56.
17. Sergeev A. A. Ratio of municipal and administrative law // Modern law. 2007. № 1. Pp. 88-92.
18. Petrykina N. I. To the question of the relationship between the norms of administrative and financial law // Bulletin of MGIMO. 2013. № 3 (30). Pp. 110-115.
19. Advocacy and advocacy in Russia: Textbook for masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. - 1st ed.. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 527 p. - (Bachelor. Academic course). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.
20. Shaikhullin M. S. On some issues of legal regulation of the application of incentives to municipalities / M. S. Shaikhullin, D. N. A. Abdulrida // Man and Law - XXI Century: Almanac of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy. 2023. № 1. Pp. 106-110. – EDN DHDWUW.

Информация об авторе (авторах): Нигметзянов Алмаз Альбертович, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, Кремлевская 18), кандидат юридических наук.

Information about the author(s): Nigmatzyanov Almaz Albertovich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlin 18), Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 14.04.2026; approved after 16.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Конституционное закрепление обязанности главы республики владеть государственным (национальным) языком

М.В. Каримов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

MaratKarimovLaw@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о владении высшим должностным лицом республики в составе Российской Федерации государственным языком субъекта Федерации. Республики в своих конституциях по-разному подходят к закреплению этого вопроса. В большинстве конституций обязанность владеть государственным (национальным) языком не предусмотрена. В отдельных основных законах республик и законодательстве о языках обязанность владеть языком «титulary нации» прямо не предусмотрена, но вытекает из совокупного анализа нормативных предписаний. Владение государственным языком субъекта Российской Федерации рассматривается с позиции факультативных элементов правового статуса главы республики. Выявляется правовая составляющая проблемы использования государственного языка субъекта Федерации с позиции владения языками руководством регионов. Автор анализирует вопрос о том, обязан ли человек, занимающий должность главы субъекта Федерации владеть государственным языком и иными языками, на которых традиционно ведется общение в национальном субъекте Федерации (республике). Знание национального языка республики включается в элементы государственно-правового статуса руководителя региона – главы республики. Знание государственного языка республики выступает одним из обязательных критериев при избрании лица на должность главы субъекта Федерации, в соответствии с конституционным законодательством республик. Вопрос о конституционном закреплении обязанности главы республики владеть государственным (национальным) языком рассматривается в юридическом и политологическом аспектах. По мнению автора статьи, закрепление национального языка как государственного предполагает использование его при деловом общении представителей органов власти в сфере культуры, образования, обеспечении публикации нормативных правовых актов на национальном языке. Необходимость использования национального языка в сфере управления, при общении с населением мотивирует главу республики и должностных лиц изучать язык (если отсутствует владение им). Стимулирующим фактором выступает законодательно закреплённая обязанность знать государственные языки субъектов Федерации при занятии определенных должностей. Правовой основой функционирования языка на регионально-субъектном уровне являются Конституция Российской Федерации, конституции республик, законы республик, акты органов государственной власти, утверждающие программы развития национального языка. По итогам исследования сформулированы выводы, обладающие признаками новизны, теоретической и практической значимости.

Ключевые слова: Конституция республики, закон, государственный язык, национальный язык, титульная нация, официальный язык, обязанность.

Для цитирования: Каримов М.В. Конституционное закрепление обязанности главы республики владеть государственным (национальным) языком // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 30–35.

Original article

Constitutional consolidation of the duty of the Head of the Republic to speak the state (national) language

M.V. Karimov

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russian Federation

MaratKarimovLaw@yandex.ru

Abstract. The article considers the issue of the possession by the highest official of the republic within the Russian Federation of the state language of the titular nation. Republics in their constitutions approach this issue in different ways. In most constitutions, the obligation to speak the state (national) language is not provided. In some basic

laws of the republics and legislation on languages, the obligation to speak the language of the titular nation is not directly provided, but follows from a cumulative analysis of regulatory requirements. Proficiency in the state language of a constituent entity of the Russian Federation is considered from the standpoint of optional elements of the legal status of the head of the republic. The legal component of the problem of using the state language of the subject of the Federation from the standpoint of language proficiency by the leadership of the regions is revealed. The author analyzes the question of whether a person holding the position of head of a subject of the Federation is obliged to speak the state language and other languages in which communication is traditionally conducted in the national subject of the Federation (republic). Knowledge of the national language of the republic is included in the elements of the state legal status of the head of the region - the head of the republic. Knowledge of the state language of the republic is one of the mandatory criteria when electing a person to the post of head of a subject of the Federation, in accordance with the constitutional legislation of the republics. The question of the constitutional consolidation of the obligation of the head of the republic to speak the state (national) language is considered in the legal and political aspects. According to the author of the article, the consolidation of the national language as the state language presupposes its use in business communication between representatives of authorities in the field of culture, education, and ensuring the publication of regulatory legal acts in the national language. The need to use the national language in the field of management, when communicating with the population, motivates the head of the republic and officials to learn the language (if there is no knowledge of it). The stimulating factor is the legislatively enshrined obligation to know the state languages of the constituent entities of the Federation when occupying certain positions. The legal basis for the functioning of the language at the regional-subject level is the Constitution of the Russian Federation, the constitutions of the republics, the laws of the republics, acts of state authorities approving programs for the development of the national language. Based on the results of the study, conclusions are formulated that have signs of novelty, theoretical and practical significance.

Key words: Constitution of the Republic, law, state language, national language, titular nation, official language, duty.

For citation: Karimov M.V. Constitutional consolidation of the duty of the Head of the Republic to speak the state (national) language // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 30–35.

Рассмотрение содержания правового статуса высшего должностного лица республики в составе Российской Федерации не будет полным без исследования вопроса о владении им государственными языками, нашедшими закрепление в конституции республики [1, с. 56]. Это вопрос не только юридический, он имеет политическое значение, оказывает имиджевое влияние на процесс коммуникации высшего должностного лица с населением республики [2, с. 30].

При постановке вопроса о владении государственным языком субъекта Российской Федерации как элементе правового статуса главы республики, необходимо выяснить правовую составляющую этой важной проблемы. Может ли иметь особенности в своем правовом статусе человек, занимающий должность главы, или эти личностные (индивидуальные) особенности не должны рассматриваться в рамках правового статуса главы республики? Знание национального языка республики является частью правового статуса главы республики или это личностный аспект, не связанный со статусом лица, занимающего должность? Если одним из обязательных кри-

териев при избрании лица на должность главы знание языка не требуется, значит и для лица, занявшего эту должность, эта обязанность не является частью его правового статуса. Получается, что знание обоих государственных языков республики является индивидуальной особенностью человека, занимающего должность главы. В то же время нельзя отрицать наличие политической составляющей этого важного вопроса.

Знать оба государственных языка республики (в некоторых республиках три) может не только представитель «титульной нации». Значит, знание языка в данном случае «привязано» не к этнической принадлежности человека, занимающего должность, а к индивидуальным особенностям, не являющимся элементом правового статуса главы республики (должности). Означает ли это, что главой республики может стать представитель нетитульной нации, поскольку он владеет двумя государственными языками? С другой стороны, Главой может быть лицо, определяющее себя представителем большинства народов, проживающих в регионе, но государственным языком (языком титульной нации) не владеющим. Будет ли излишним закреп-

пление в конституции республики требования владения всеми государственными языками для главы республики? Насколько это важно для республики, образованной по национальному признаку?

Ответ на эти вопросы может дать практика закрепления правового статуса главы республики в республиканских конституциях и законах о языках.

Одной из важных особенностей республики в составе Российской Федерации является использование национального языка как государственного во всех сферах жизни республики. В некоторых субъектах РФ в качестве государственных закреплены два (например, Мордовия, Марий Эл), три языка (Кабардино-Балкария), а также указываются дополнительно официальные языки (Саха (Якутия)).

Правовой основой функционирования государственных языков субъектов Российской Федерации является Конституция Российской Федерации, конституции республик, законы республик, акты органов государственной власти, утверждающих программы развития национального языка.

Глава республики как представитель всего многонационального народа субъекта РФ должен обладать знанием хотя бы одного государственного языка. Все главы субъектов РФ владеют русским языком, что же касается владения государственным языком субъекта Федерации, то федеральное законодательство не обязывает главу республики владеть им, не во всех республиках такая обязанность закреплена законодательно.

Например, Конституция Республики Мордовия (РМ)¹ не закрепляет обязанность главы владеть государственным языком субъекта Федерации. Закон РМ «О государственных языках Республики Мордовия» от 6 мая 1998 года (в ред. от 28.04.2023 года) закрепляет два государственных языка – русский и мордовский (эрзянский и мокшанский)². Он не устанавливает жестких требований знания эрзянского или мокшанского государственных языков при ведении дел

производства в органах государственной власти республики. Из содержания статей 10 и 11 данного закона можно сделать вывод, что основным рабочим языком в органах власти является русский язык и только в случае необходимости используются мокшанский или эрзянский языки. Желающие выступить на одном из мордовских языков заблаговременно извещают об этом руководителя органа государственной власти, органа местного самоуправления. Такое выступление переводится на русский язык. Подобное закрепление режима использования мордовского языка свидетельствует об отсутствии требования знания обоих государственных языков у высшего должностного лица Республики. Конституция Мордовии не обязывает избранного главу при вступлении в должность приносить присягу на обоих государственных языках. Исходя из вышеизложенного, нельзя считать, что в Республике Мордовия Глава республики должен владеть обоими государственными языками, а владение государственным (мордовским) языком не является элементом правового статуса высшего должностного лица Республики.

Конституция Кабардино-Балкарии (РКБ) не требует от Главы республики владение всеми государственными языками. Согласно статье 76 государственными языками РКБ являются кабардинский, балкарский и русский. Они используются «на равных правах в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях»³.

Закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» закрепляет положение, согласно которому в республике официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке. Из содержания закона о языках нельзя сделать вывод, что Глава республики обязан владеть хотя бы двумя государственными языками⁴.

В Республике Адыгея государственными

¹ Конституция Республики Мордовия // Известия Мордовии. 2011. 16 марта.

² Закон Республики Мордовии от 6 мая 1998 г. № 19-З (ред. от 28.04.2023) «О государственных языках в Республике Мордовия» // Известия Мордовии. 1998, 7 мая.

³ Конституция Кабардино-Балкарии // Официальная Кабардино-Балкария. 2008. 17 окт.

⁴ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16 января 1995 года № 1-РЗ (ред. 24.04.2014) «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 1995. 19 янв.

языками являются русский и адыгейский. В законе Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» не делается акцент на использовании адыгейского языка в органах государственной власти, органах местного самоуправления. Применяется общая формулировка «государственные языки», что свидетельствует о равном отношении к языкам как средству официальной коммуникации¹.

Конституция Республики Ингушетия в статье 14 закрепляет в качестве государственных языков республики ингушский и русский языки. Провозглашается, что сохранение, защита и развитие ингушского языка является обязанностью государства². Конституция Ингушетии не обязывает главу Республики владеть обоими государственными языками, не обязывает приносить присягу при вступлении в должность на двух государственных языках. Нет такой обязанности и в законе о государственных языках Республики Ингушетия³.

В отдельных республиках конституции не обязывают главу владеть обоими государственными языками, но предусматривают необходимость при вступлении в должность высшего должностного лица приносить присягу на двух государственных языках. Например, статья 3 Конституционного закона Республики Тыва «О правом статусе Главы Республики Тыва» определяет, что присяга приносится Главой Республики Тыва на тексте Конституции Республики Тыва на государственных языках Республики Тыва - русском и тувинском⁴.

Аналогичное закрепление обязанности приносить присягу на двух государственных языках осуществлено в законе «О

Главе Удмуртской Республики» 2025 года, ст. 4 которого предусматривает, что глава приносит присягу на государственных языках Удмуртской Республики⁵.

Отдельные республики в России являются полилингвальными и поликонфессиональными, в которых проживают народы различных национальностей [5, с. 64] и этнических групп. Показательной является Республика Саха (Якутия), в которой функционируют два государственных языка (русский и якутский) и пять официальных языков, являющихся родными языками коренных малочисленных народов Севера (эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский). Якутским языком владеют 37,4 процента от общей численности населения республики. По итогам переписи населения 2020 года пятью официальными языками владеют менее одного процента от общей численности населения Республики⁶.

Конституция Республики Саха (Якутия) обязывает Главу Республики при вступлении в должность приносить присягу на обоих государственных языках (ст. 71.1)⁷. Означает ли это положение, что глава Республики должен владеть обоими государственными языками в равной степени. Однозначного ответа на этот вопрос нет. В то же время отсутствие прямого закрепления этой обязанности в законодательстве не дает основания требовать от высшего должностного лица знание обоих государственных языков. Следует отметить, что в Конституции Саха (Якутия) 1994 года, в статье 66 прямо устанавливалось требование – глава должен свободно владеть обоими государственными языками.

В Татарстане Конституция РТ⁸ предпри-

¹ Закон Республики Адыгея от 31 марта 1994 года № 74-1 (в ред. от 28.04.2023) «О языках народов Республики Адыгея» // Ведомости ЗС (Хасэ) - Парламента РА. 1994. № 5. Ст. 2.

² Конституция Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 года (ред. от 28.12.2022). Сборник Конституций субъектов федерации. Издание Государственной Думы 1995 года. 223 с.

³ Закон Республики Ингушетия от 25 июля 1996 г. (ред. 07.04.2023) «О государственных языках Республики Ингушетия» // Сердало. 1996. 31 авг.

⁴ Конституционный закон Республики Тыва от 04 января 2003 года № 97 ВХ-I (ред. 01.10.2025 г.) «О правом статусе Главы Республики Тыва» // Тувинская правда. 2003. 16 янв.

⁵ Закон Удмуртской республики от 22 декабря 2015 г. № 104-РЗ «О главе Удмуртской Республики». Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики <http://www.udmurt.ru>.

⁶ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472. «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.07.2022.

⁷ Конституция Республики Саха (Якутия) // Сборник законов Республики Саха (Якутия). 1992. Ст. 90.

⁸ Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 26.01.2023) // Республика Татарстан, № 87-88, 30.04.2002.

сывает Главе (Раису) Республики Татарстан при осуществлении своих полномочий использовать государственные языки Республики Татарстан (татарский и русский). При вступлении в должность присяга приносится на двух языках (ст. 92). Такие конституционные положения дают основания утверждать, что глава (Раис) должен владеть татарским языком. Такой вывод подтверждается положением ст. 10 закона о государственных языках Республики, согласно которому работа в Администрации Главы (Раиса) Республики Татарстан ведется на татарском и русском языках¹.

Особое закрепление использования государственного языка Главой субъекта Федерации находит отражение в законодательстве Республики Башкортостан. Статья 86 Конституции прямо закрепляет обязанность Главы Республики Башкортостан владеть государственными языками Республики Башкортостан². Эта обязанность продублирована в законе «О языках народов Республики Башкортостан» (ст. 10, ч. 4.)³. В то же время в этом же законе имеется положение, согласно которому работа в органах государственной власти Республики Башкортостан и органах местного самоуправления осуществляется на русском языке (ч. 1, ст. 10). Необходимо отметить, что в республиках используются различные способы правового закрепления режима использования, сохранения и развития государственных языков субъектов Федерации. В одних республиках глава обязан владеть обоими государственными

языками, в других такое конституционное и законодательное требование отсутствует. Вместе с тем, наличие такой обязанности дает основание утверждать о существовании такого статического элемента статуса высшего должностного лица республики в составе Российской Федерации как владение языком «титულიной нации», что соответствует государственно-правовым традициям управления на местном уровне [6, с. 25].

Отсутствие прямого закрепления в конституции республики обязанности главы владеть всеми государственными языками переводит вопрос в плоскость практического использования государственных языков и необходимости владения ими должностными лицами республики. Например, закрепление национального языка как государственного предполагает использование его при деловом общении представителей органов власти в сфере культуры, образования, обеспечении публикации нормативных правовых актов на национальном языке [3, с. 11]. Необходимость использования национального языка в сфере управления, при общении с населением мотивирует главу республики и должностных лиц изучать язык (если отсутствует владение им) [4, с. 12]. Стимулирующим фактором выступает законодательно закрепленная обязанность знать государственный язык субъекта Российской Федерации при занятии высших должностей в исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Малый А. Ф. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации: вопросы правового статуса // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2. С. 56-65.
2. Нигметзянова К. А., Нигметзянов А. А. Общественное мнение как фактор стимулирующего воздействия // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 08 декабря 2022 года / Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2023. С. 21-31.
3. Хайруллина Р. М. Принятие и опубликование законов республик в составе Российской Федерации на государственных языках республик и опубликование федеральных законов на государственных языках республик: конституционное правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук, 2021. 201 с.

¹ Закон Республики Татарстан от 08 июля 1992 года № 1560-ХІІ (ред. от 06.04.2023) «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» // Советская Татария. 1992. 25 июля.

² Конституция Республики Башкортостан // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2003. № 1 (157). Ст. 3.

³ Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з (в ред. от 30.09.2025 № 331-з) «О языках народов Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1999. № 8 (92). Ст. 472.

4. Нигметзянов А. А. О мотивирующем влиянии права на личность // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 10-13.
5. Шайхуллин М. С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шайхуллин Марат Селирович, 2020. 515 с. – EDN MLICYO.
6. Шайхуллин М. С. Традиции местного самоуправления для муниципальной власти в России / М. С. Шайхуллин // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 22-25. – EDN KYONCB.

References

1. Maly A. F. The highest official of the subject of the Russian Federation: issues of legal status // Science. Society. State. 2024. T. 12. № 2. Pp. 56-65.
2. Nigmatzyanova K. A., Nigmatzyanov A. A. Public opinion as a stimulating factor // Actual problems of public interaction with state authorities and local governments: collection of works of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Saransk, December 08, 2022 / Middle Volga Institute (branch) VGUU (RPA Ministry of Justice of Russia). 2023. Pp. 21-31.
3. Khairullina R. M. Adoption and publication of the laws of the republics within the Russian Federation in the state languages of the republics and publication of federal laws in the state languages of the republics: constitutional legal research: diss.... cand. jurid. Sciences, 2021. 201 p.
4. Nigmatzyanov A. A. On the motivating influence of law on personality // Legal psychology. 2024. № 3. Pp. 10-13.
5. Shaikhullin M. S. Constitutional and legal guarantees for the development of local self-government in the Russian Federation: specialty 12.00.02 «Constitutional law; constitutional litigation; municipal law»: dissertation for the degree of Doctor of Law / Shaikhullin Marat Selirovich, 2020. 515 p. – EDN MLICYO.
6. Shaikhullin M. S. Traditions of local self-government for municipal authorities in Russia / M. S. Shaikhullin // Constitutional and municipal law. 2009. № 12. Pp. 22-25. – EDN KYONCB.

Информация об авторе (авторах): Каримов Марат Вильданович, аспирант кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18).

Information about the author(s): Karimov Marat Vildanovich, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, (420008, Kazan, Kremlyovskaya Street, 18).

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 15.04.2026; approved after 26.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

К вопросу об основных подходах к понятию правотворчества

А.Р. Хабибуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

a_khabibullin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты доктринального восприятия правотворчества, содержание которого, по мнению автора, может варьироваться в зависимости от того с каким именно объектом соотносится данный вид государственной деятельности. Ключевое значение здесь приобретает категория «правотворческая политика», выступающая в качестве системно-организованной деятельности государства по созданию эффективного правового регулирования. В рамках данной политики высшие судебные органы, обладая особым правовым статусом и специфическими методами познания права (судебное толкование, конкретизация, восполнение пробелов), занимают уникальное место, которое не может быть описано исключительно через дихотомию «правотворчество - правообразование». Речь идет о реализации судами так называемой «комплементарной» (дополняющей) правотворческой функции, которая активируется в условиях дефицита законодательного регулирования либо при выявлении его конституционно-правовой неопределенности. По мнению автора, наиболее распространенными объектами выступают правовые нормы, внешние формы их выражения (источники права), субъективные права. Автор предлагает собственное определение правотворчества, которое ориентируется на такой объект как официальный правовой текст, который содержится в традиционном или нетрадиционном источнике права. В статье анализируются отдельные аспекты доктринальных представлений о сущности права как объективно-субъективной реальности, подвергаются анализу коллизии как противоречия норм, действующих нормативных правовых актов, принятых (изданных) одним правотворческим органом в одной форме и регулирующих одни и те же общественные отношения, либо противоречия норм, действующих нормативных правовых актов, обладающих разной юридической силой, изучается специфика принципов, выражающих содержание права. Раскрывается содержание принципов осуществления правотворческой деятельности, к которым относится законность, системность, внутренняя согласованность правовых норм, верховенство нормативных правовых актов с большей юридической силой, обязательность создания механизмов для их реализации. Исследуются отдельные вопросы осуществления судебного нормоконтроля. По мнению автора статьи, дальнейшее развитие теории правотворчества должно быть ориентировано на разработку четких критериев допустимости судебного нормотворчества, определение его нормативных пределов, а также формирование процедурных механизмов легитимации результатов судебной правотворческой деятельности.

Ключевые слова: правотворчество, правотворческая деятельность, источники права, формы права, судебное правотворчество.

Для цитирования: Хабибуллин А.Р. К вопросу об основных подходах к понятию правотворчества // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 36–40.

Original article

On the Main Approaches to the Concept of Lawmaking

A.R. Khabibullin

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russian Federation

a_khabibullin@bk.ru

Abstract. The article discusses certain aspects of the doctrinal perception of lawmaking, the content of which, according to the author, may vary depending on which object this type of state activity relates to. The category «law-making policy», which acts as a systemically organized activity of the state to create effective legal regulation, acquires key importance here. Within the framework of this policy, the highest judicial bodies, possessing a special legal status and specific methods of knowledge of law (judicial interpretation, concretization, filling in gaps), occupy

a unique place that cannot be described exclusively through the dichotomy «law-making - law formation.» We are talking about the implementation by the courts of the so-called «complementary» (complementary) law-making function, which is activated in conditions of a shortage of legislative regulation or when its constitutional and legal uncertainty is revealed. According to the author, the most common objects are legal norms, external forms of their expression (sources of law), subjective rights. The author proposes his own definition of lawmaking, which focuses on such an object as an official legal text, which is contained in a traditional or non-traditional source of law. The article analyzes certain aspects of doctrinal ideas about the essence of law as an objective-subjective reality, twitches at the analysis of conflicts as contradictions of norms, existing normative legal acts adopted (issued) by one law-making body in one form and regulating the same social relations, or contradictions of norms, existing normative legal acts with different legal force, the specifics of principles expressing the content of the law are studied. The content of the principles of law-making activities is disclosed, which include legality, consistency, internal consistency of legal norms, the rule of normative legal acts with greater legal force, the obligation to create mechanisms for their implementation. Separate issues of judicial control are investigated. According to the author of the article, the further development of the theory of jurisprudence should be focused on the development of clear criteria for the admissibility of judicial rule-making, the definition of its regulatory limits, as well as the formation of procedural mechanisms for legitimizing the results of judicial jurisprudence.

Key words: law-making, law-making activity, sources of law, forms of law, judicial law-making.

For citation: Khabibullin A.R. On the Main Approaches to the Concept of Lawmaking // Law and statehood. 2026. № 2 (11). P. 36–40.

Общие представления о правотворчестве оказывают непосредственное влияние на дискуссию о видах правотворчества, включая судебное. В этой связи, Н.А. Алексеева обращает внимание на то, что только при широком его понимании, в рамках которого выявляются потребности в нормировании общественных отношений, устанавливается их природа и пределы правового регулирования, а также обосновываются необходимые для этого средства и способы правового воздействия, допускается ограниченное участие высших судебных органов в реализации отдельных правотворческих функций [1, с. 179].

Развивая данный тезис, следует отметить, что широкое понимание правотворчества, предлагаемое Н.А. Алексеевой, актуализирует проблему легитимации судебной правотворческой деятельности в системе разделения властей. С позиций современной юридической науки, противопоставление узкого и широкого подходов не позволяет в полной мере объяснить феномен судебного правотворчества в континентальной правовой семье. Представляется, что ключевое значение здесь приобретает категория «правотворческая политика», выступающая в качестве системно-организованной деятельности государства по созданию эффективного правового регулирования. В рамках данной политики высшие судебные органы, обладая особым правовым статусом и специфическими методами познания права (судебное

толкование, конкретизация, восполнение пробелов), занимают уникальное место, которое не может быть описано исключительно через дихотомию «правотворчество – правообразование». Речь идет о реализации судами так называемой «комплементарной» (дополняющей) правотворческой функции, которая активируется в условиях дефицита законодательного регулирования либо при выявлении его конституционно-правовой неопределенности.

При этом, сама правотворческая функция, как правило, раскрывается исходя из узкого понимания правотворчества, которую В.П. Реутов определяет, как деятельность специальных уполномоченных государством субъектов по приданию разработанным в ходе формирования права правилам окончательной формы и официального характера [2, с. 623]. Таким образом, узкое понимание правотворчества не подразумевает наличия у высших судебных органов правотворческой функции, правотворческих полномочий или правотворческой компетенции; исходя из вышесказанного высшие суды располагают исключительно правообразовательной функцией, участвуя в процессе формирования будущих правовых норм на стадии, предшествующей собственно правотворчеству.

Вместе с тем, формально-догматическое следование узкому пониманию правотворчества вступает в противоречие с потреб-

ностями обеспечения единства и непротиворечивости правовой системы. В этой связи в доктрине обосновывается позиция, согласно которой современная интерпретация принципа разделения властей не сводится к жесткому разграничению функций, а предполагает их функциональное взаимодействие, в том числе и в сфере правообразования. Правотворческая деятельность судов в данном контексте рассматривается не как вторжение в компетенцию законодателя, а как имманентное свойство судебной власти, обеспечивающее полноту, непротиворечивость и динамизм правового регулирования, особенно в условиях развития институтов судебного конституционного контроля и нормоконтроля в системе общего судопроизводства. Следовательно, отрицание за судами правотворческой функции в узком смысле не исключает признания за ними правотворческих полномочий особого рода, реализуемых в рамках предоставленной законом дискреции и в целях восполнения пробелов в правовом регулировании.

Обращает на себя внимание тот факт, что понимание правотворческой функции может варьироваться в зависимости от того, с каким объектом соотносится данный вид государственной деятельности.

Если речь идет о традиционных внешних формах права, например, нормативных правовых актах, фиксирующих правовые нормы, то реализация данной функции предполагает деятельность специальных субъектов по созданию, изменению и отмене нормативных правовых актов [3, с. 81]. В тех случаях, когда в одном объекте объединяются правовые нормы вместе с источниками их содержания (например, нормативными правовыми актами), то правотворчество определяется как профессиональная деятельность, направленная на разработку норм права и дальнейшее издание (принятие, изменение, отмену) нормативных правовых актов [4, с. 124].

Однако, если правотворческая функция осуществляется органами государственной власти, формирующими нетрадиционные источники права (акты высших судебных органов), то правотворчество может трактоваться как деятельность особых, специ-

альных субъектов по созданию, изменению и отмене внешних официальных форм выражения правовых норм (традиционных, нетрадиционных).

Наконец, А.В. Межеккеей, руководствуясь тем, что объектом правотворчества могут выступать как правовые нормы (объективный аспект права), так и субъективные права вместе с обязанностями (субъективный аспект права), трактует правотворчество как единый процесс их создания, изменения и отмены [5, с. 9]. По его мнению, предупреждение и разрешение коллизий между правовыми нормами, выявление правовых принципов также следует относить к результатам правотворческой деятельности [5, с. 9].

Данные выводы вполне согласуются: во-первых, с доктринальными представлениями о сущности права как объективно-субъективной реальности; во-вторых, с пониманием коллизий как противоречия норм, действующих нормативных правовых актов, принятых (изданных) одним правотворческим органом в одной форме и регулирующих одни и те же общественные отношения, либо противоречия норм, действующих нормативных правовых актов, обладающих разной юридической силой; в-третьих, с пониманием специфики принципов, представляющими собой, как отмечает В.В. Лазарев, концентрированное выражение содержания права в положениях общего характера, устанавливаемых в системе приемов толкования его норм [6, с. 208]; в-четвертых, с принципами осуществления правотворческой деятельности, к которым относится законность, системность, внутренняя согласованность правовых норм, верховенство нормативных правовых актов с большей юридической силой, обязательность создания механизмов для их реализации; в-пятых, с практикой судебного нормоконтроля, когда признание судом нормативного правового акта или его отдельных положений недействующим (недействующими) полностью или в части, приводит к утрате юридической силы; в-шестых, судебной практикой конституционного нормоконтроля, когда признание Конституционным Судом Российской Федерации нормативного правового акта

или его отдельных положений не соответствующим (не соответствующими) Конституции Российской Федерации, также влечет за собой утрату юридической силы.

С методологической точки зрения, приведенные аргументы позволяют констатировать трансформацию традиционной модели правотворчества в условиях развития судебной власти. Если законодательное правотворчество носит первичный, учредительный характер, определяя общие модели поведения, то судебное правотворчество (в узком, легитимированном смысле) имеет преимущественно обеспечительный, конкретизирующий и восполнительный характер. В данном контексте судебный прецедент или акт судебного толкования нормативного характера выступает не конкурентом закону, а инструментом поддержания его эффективности [7, с. 304], позволяющим адаптировать абстрактные нормативные предписания к динамике общественных отношений без нарушения формальной определенности права. Именно это обстоятельство служит критерием для разграничения «судебного правотворчества» [8, с. 63] (как создания новых норм в рамках предоставленных суду дискреционных полномочий) и «судебного правообразования» (как влияния на формирование правосознания и правовой политики).

Вместе с тем, исходя из общих правил юридической техники, объектом соотношения с правотворческой деятельностью может выступать официальный правовой текст, в котором содержатся нормативно-правовые предписания, оформленные в виде предложений, построенных согласно общепринятым правилам и нормам русского языка, а также с учетом юридически значимых требований к их внутреннему и внешнему оформлению. К этим требованиям, к примеру, относятся: системное использование конституционных терминов и понятий; единство с терминологией, применяемой в федеральном законодательстве; изложение официального текста нормативного правового акта в контексте принципа правовой определенности, исключающего двусмысленное или неоднозначное толкование нормативно-правовых предписаний;

воспроизводство в нижестоящих нормативных правовых актах отдельных положений из вышестоящих нормативных правовых актов с соблюдением принципов системности и правовой определенности без их смыслового искажения; включение в текст нормативного правового акта дефинитивных норм в случае использования термина, имеющего несколько смыслов или смысл, отличающийся от обычного и пр.

Таким образом, правотворчество выступает как деятельность специальных субъектов по изданию (разработке, принятию, изменению, введению в действие и признанию утратившими силу) официального источника (формы) выражения правовых норм, основанная на общеобязательных правилах юридической техники, обеспечивающих для него формально-юридическое содержание и словесно-документальное изложение.

Завершая анализ вопроса об основных подходах к понятию правотворчества необходимо акцентировать внимание на том, что признание за высшими судебными органами элементов правотворческой компетенции не означает отрицания фундаментальных принципов верховенства закона и разделения властей. Напротив, речь идет о выявлении объективной закономерности развития правовых систем в условиях усложнения социальной структуры и возрастания динамики общественных отношений, что требует оперативного реагирования со стороны правоприменителя, обладающего высоким уровнем юридической квалификации и институциональной независимостью. В связи с этим дальнейшее развитие теории правотворчества должно быть ориентировано на разработку четких критериев допустимости судебного нормотворчества, определение его нормативных пределов, а также формирование процедурных механизмов легитимации результатов судебной правотворческой деятельности. Решение указанных задач позволит сохранить баланс между стабильностью законодательства и гибкостью судебной практики, формальной определенностью права и реализацией принципа справедливости в конкретных правоприменительных актах.

Список литературы

1. Алексеева Н. И. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 5. С. 178-181.
2. Реутов В. П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 622-630.
3. Фетисров А. А., Юрков Д. В. Правотворчество: понятие, признаки, принципы, результаты // Интерактивная наука. 2022. № 10 (75). С. 81-83.
4. Гайворонская Я. В. Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 2. С. 120-135.
5. Межеккой А. В. Судебное правотворчество в современной России: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2023. 24 с.
6. Лазарев В. В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 207-2123.
7. Шайхуллин М. С. Гарантии общественного контроля на муниципальном правотворческом уровне / М. С. Шайхуллин // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правотворческой деятельности : Материалы XIII Международной научно-практической конференции, Саратов, 02 июля 2020 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. С. 303-306. – EDN JRZDKS.
8. Шайхуллин М. С. Защита прав местного самоуправления Конституционным Судом Российской Федерации / М. С. Шайхуллин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 59-64. – EDN ZBPVHZ.

References

1. Alekseeva N. I. Judicial Lawmaking in the Russian Federation // Education and Law. 2022. № 5. Pp. 178-181.
2. Reutov V. P. Functions and Structure of Lawmaking (Strategic Aspect) // Legal Technique. 2015. № 9. Pp. 622-630.
3. Fetisrov A.A., Yurkov D.V. Lawmaking: Concept, Features, Principles, and Results // Interactive Science. 2022. № 10 (75). Pp. 81-83.
4. Gayvoronskaya Ya.V. Regional Lawmaking: Concept, Principles, and Legal Regulation // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2015. № 2. Pp. 120-135.
5. Mezhekkey A.V. Judicial law-making in modern Russia: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. Moscow, 2023. 24 p.
6. Lazarev V. V. Functional Characteristics of the Principles of Law // Legal Technique. 2020. № 14. Pp. 207-212.
7. Shaikhullin M. S. Guarantees of public control at the municipal law-making level / M. S. Shaikhullin // Interaction of government, business and society in law-making activities: Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference, Saratov, July 02, 2020. - Saratov: Saratov Source Publishing House, 2020. Pp. 303-306. – EDN JRZDKS.
8. Shaikhullin M. S. Protection of the rights of local self-government by the Constitutional Court of the Russian Federation / M. S. Shaikhullin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 3 (116). Pp. 59-64. – EDN ZBPVHZ.

Информация об авторе (авторах): Хабибуллин Айдар Робертович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1).

Information about the author(s): Khabibullin Aydar Robertovich, graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga Region) Federal University, (420008, Kazan, Kremlyovskaya Street, 18, bldg. 1).

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена после рецензирования 23.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 17.04.2026; approved after 23.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Научная статья
УДК 342.552.3
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.11.2.007

Конституционное и уставное регулирование в субъектах Российской Федерации: современное состояние и проблемы правового регулирования

И.К. Халиев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
khaliev_islam@mail.ru*

Аннотация. В научном исследовании проводится комплексный анализ правового статуса конституций и уставов субъектов Российской Федерации как источников регионального законодательства. Предметом исследования является их юридическая природа, функциональное назначение и место в системе отношений между интересами федерации и регионов. Особое внимание уделяется влиянию поправок Конституции Российской Федерации от 2020 года на правовое содержание региональных конституций и уставов, в том числе рассматриваются вопросы правового регулирования социального государства, регулирования прав и обязанностей человека и гражданина, а также реорганизации судебной власти в субъектах Российской Федерации. На основе синтеза научных подходов и анализа законодательства формулируются выводы о необходимости баланса между единством правового пространства и самостоятельностью регионов. Проблематика конституционного уставного регулирования в разрезе современных общественных отношений, актуальна в связи с необходимостью создания условий для приведения в соответствие законодательства субъектов Российской Федерации базовым положениям Конституции Российской Федерации, устранения нормативно-правовых коллизий и противоречий, адаптации законов, принимаемых субъектами Российской Федерации, к вступившим в законную силу федеральным конституционным поправкам. Целью научной статьи является анализ юридической природы, функций и современного содержания конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в контексте современных изменений российского законодательства. В материале также исследуется вопрос о правовом регулировании конституций и уставов субъектов Российской Федерации с позиции дискуссионных аспектов конституционного правоприменения. По мнению автора статьи, региональные нормативные правовые акты обладают учредительным характером и облечены в законодательную форму, определяя государственно-правовой статус субъекта Российской Федерации. При этом бурное развитие общественных отношений и формирование правового, демократического государства требует соблюдения строгого соответствия нормативных положений, принимаемых на регионально-субъектном уровне федеральному законодательству. В системе единого правового федерализма конституции и уставы субъектов Российской Федерации играют значительную роль. Они являются не только источниками регионального законодательства, но и фундаментной основой для правового регулирования общественных отношений в субъектах Федерации и на муниципальном уровне. На основании проведенного анализа научной доктрины и положений текущего законодательства сформулированы выводы, обладающие новизной.

Ключевые слова: конституция, устав, федерализм, региональное законодательство, права человека, судебная система, социальное государство, конституционное законодательство.

Для цитирования: Халиев И.К. Конституционное и уставное регулирование в субъектах Российской Федерации: современное состояние и проблемы правового регулирования // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 41–46.

Original article

Constitutional and statutory regulation in the constituent entities of the Russian Federation: current state and problems of legal regulation

I.K. Khaliev

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation
khaliev_islam@mail.ru*

Abstract. In scientific research, a comprehensive analysis of the legal status of constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation as sources of regional legislation is carried out. The subject of the study is their legal nature, functional purpose and place in the system of relations between the interests of the federation and the regions. Particular emphasis is paid to the impact of amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 on the legal content of regional constitutions and charters, including issues of legal regulation of the state as a social one, regulation of human rights and obligations, as well as the reorganization of the judiciary in the constituent entities of the Russian Federation. Based on the synthesis of scientific approaches and analysis of legislation, conclusions are formulated on the need for a balance between the unity of the legal space and the independence of the regions. The problems of constitutional statutory regulation in the context of modern public relations are relevant in connection with the need to create conditions for bringing the legislation of the constituent entities of the Russian Federation into line with the basic provisions of the Constitution of the Russian Federation, eliminating regulatory conflicts and contradictions, adapting laws adopted by the constituent entities of the Russian Federation to federal constitutional amendments that have entered into legal force. The purpose of the scientific article is to analyze the legal nature, functions and modern content of the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation in the context of modern changes in Russian legislation. The material also examines the issue of legal regulation of constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation from the standpoint of debatable aspects of constitutional law enforcement. According to the author of the article, regional regulatory legal acts have a constituent character and are clothed in a legislative form, determining the state legal status of a constituent entity of the Russian Federation. At the same time, the rapid development of public relations and the formation of a legal, democratic state requires strict compliance with the regulatory provisions adopted at the regional-subject level by federal legislation. In the system of unified legal federalism, the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation play a significant role. They are not only sources of regional legislation, but also fundamental basic for legal regulation in the constituent entities of the Federation and at the municipal level. Based on the analysis of the scientific doctrine and the provisions of current legislation, conclusions with novelty are formulated.

Key words: constitution, federalism, regional legislation, human rights, judiciary, welfare state, constitutional legislation

For citation: Khaliev I.K. Constitutional and statutory regulation in the constituent entities of the Russian Federation: current state and problems of legal regulation // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 41–46.

В современное время развитие российской государственности характеризуется поиском необходимой оптимальной модели взаимодействия между федеральным центром и субъектами государства. В условиях федеративного устройства ключевым фактором достижения единения законодательства государства и вместе с тем защиты интересов субъектов Федерации выступают конституции республик и уставы иных субъектов Российской Федерации. В соответствии с частью 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам¹. Как справедливо отмечает И.В. Буйновский, современные условия реализации конституционных правоотношений требуют расширенного нормативно-правового регулирования, что обуславливает наличие большого количества законов, издаваемых как федеральными органами, так и субъектами РФ [1,

с. 33]. Данная тема исследования актуальна необходимостью созданию условий для соответствия законодательства субъектов РФ нормам Конституции Российской Федерации, устранения нормативно-правовых коллизий и противоречий и адаптации законов, принимаемых субъектами РФ, к недавним федеральным конституционным поправкам. Целью данной работы является анализ юридической природы, функций и современного содержания конституций (уставов) субъектов РФ в контексте современных изменений российского законодательства.

Вопрос о правовом регулировании конституций и уставов субъектов Российской Федерации до сих пор является предметом спора многих ученых в науке конституционного права. С одной стороны, данные нормативные правовые акты обладают учредительным характером и являются законом, определяют государственно-правовой статус субъекта Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

С другой стороны, имеется необходимость строгого приведения таких законов в соответствие федеральному законодательству. А.В. Игнатьев, анализируя Устав Самарской области, приходит к выводу, что данный документ является законом регионального уровня, но обладает особым значением и высшей юридической силой по отношению к иным нормативным правовым актам субъекта [3, с. 210]. Одним из ключевых принципов для регионального правотворчества является принцип субординации. Его ключевой особенностью является недопущение конфликта действия норм регионального и федерального законодательства. Исключительная компетенция принятия своих конституций или уставов субъектами РФ установлена Конституцией Российской Федерации (ст. 71–73 Конституции РФ). Однако, как подчеркивает С.Б. Сафина, республиканские конституции носят вторичный, производный характер по отношению к федеральной Конституции, воспроизводя политические и социально-экономические приоритеты, закрепленные на федеральном уровне [4, с. 218].

Следует обратить внимание на различие между конституциями республик и уставами иных субъектов. На основании сложившихся правовых традиций республики, входящие в состав Российской Федерации, именуются государством, что детерминирует принятие ими конституций в качестве учредительных актов, в то время как другие субъекты РФ – края, области и города федерального значения – принимают уставы. Однако, их юридическую силу в системе регионального законодательства можно сопоставить. А.В. Игнатьев указывает, что действие конституции (устава) субъекта РФ основано на принципе субординации по отношению к федеральному законодательству, что позволяет обеспечивать соответствие региональных норм федеральным стандартам при выполнении ими собственной роли в регулировании [3, с. 211].

Исторически в научной доктрине особое внимание уделяется следующим функциям конституции: учредительная, юридическая, политическая и идеологическая. Что касается субъектов РФ, то данные

функции имеют свои особенности. С.Б. Сафина отмечает, что распространение всех функций на республиканские конституции в полном объеме вряд ли уместно. Например, юридическая функция проявляется усеченно, так как правовая система определена на федеральном уровне, а сила региональной конституции распространяется лишь на акты самой республики [4, с. 218].

Анализируя учредительную функцию конституций субъектов, можно прийти к выводу о том, что она направлена на формирование ключевых институтов, таких как система органов государственной власти региона. В то же время, как отмечает М.С. Саликов, эту функцию точнее называть «статусно устанавливающей», так как субъект не учреждает сам себя, а лишь выражает свой статус [7, с. 564].

Вопрос регулирования института закрепления прав и свобод человека и гражданина в региональном законодательстве занимает ключевую роль. Многие ученые изучают данный вопрос на протяжении долгого количества времени. Например А.А. Демидов, рассматривая конституции Мордовии, Башкортостана, Татарстана и других, выявил, что многие конституции текстуально воспроизводят вторую главу Конституции Российской Федерации. Несмотря на то, что регулирование прав и свобод отнесено к ведению Российской Федерации, регионы часто дублируют эти нормы для усиления гарантий защиты прав и свобод [5, с. 81].

Такое повторение обладает конструктивной значимостью. Именно оно содействует обеспечению единства федерального и регионального конституционно-правового регулирования. Более того, субъекты имеют возможность самостоятельно применять дополнительные гарантии. В частности, Конституция Республики Мордовия повысила объем прав человека в такой сфере как труд. Таким образом, органы власти способны полностью упорядочить создание рабочих мест. Еще одним примером является Конституция Республики Башкортостан, которая гарантировала социальную защиту в иных случаях и укрепила развитие языков национальных групп [5, с. 83]. Следовательно, даже в условиях необходимости сохранения единого право-

вого регулирования в стране, региональное законодательство дает возможность адаптировать федеральные стандарты к местным особенностям.

Дополнительную актуализацию в правовое регулирование конституций и уставов субъектов РФ внесли, принятые в 2020 году поправки в Конституцию РФ. Е.Б. Султанов подчеркивает, что поправки к Конституции Российской Федерации затрагивают практически все сферы жизни общества и бесспорно, соответствуя духу документа, направлены на урегулирование ключевых аспектов общественных отношений, в том числе в сфере регионального и местного правотворчества [6, с. 10]. В этом смысле можно предложить внести в конституции республик норму о том, что республика является социальным государством, в котором обеспечение достойного уровня жизни его граждан является главным приоритетом. Как утверждает Цалиев А.М., это соответствует менталитету народа и результатам социологических исследований, согласно которым справедливость лидирует в социальных запросах граждан. Также, предлагается добавить в название конституций и уставов субъектов РФ «Основной закон», как это сделано в некоторых субъектах РФ (Адыгея, Саха (Якутия) и др.) [2, с. 89].

Одним из ключевых последствий принятия поправок к Конституции РФ 2020 года является реновация баланса прав и обязанностей человека и гражданина. Существует необходимость включения обязанностей человека и гражданина в название второй главы региональных конституций, ссылаясь на новую норму ст. 75.1 Конституции РФ о сбалансированности прав и обязанностей. Кроме того, предлагается исключить положение о «свободе труда» в трактовке «работать или не работать», заменив его нормой об уважении труда граждан, что соответствует духу федеральных поправок (п. 5 ст. 75 Конституции РФ) [2, с. 90].

Особое внимание уделяется реформированию судебной системы в регионах Российской Федерации. До внесения изменений в субъектах Российской Федерации существовали региональные конституционные суды. Однако после принятия поправок к Конституции Российской Федерации

в 2020 году, данные суды были исключены из полномочий субъектов Российской Федерации. Следует согласиться с тем, что судебная власть обеспечивает прочные гарантии в отношении реализации форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления [8, с. 98].

А.В. Игнатъев, анализируя опыт Самарской области, отмечает, что Уставный суд региона так и не был полноценно создан, а затем институт был ликвидирован на федеральном уровне. Автор приводит мнение М.И. Клеандрова, который выразил сомнения в том, что суды общей юрисдикции смогут полноценно заменить упраздненные конституционные суды без потери качества правосудия. А.М. Цалиев занимает более критическую позицию, утверждая, что лишение субъектов РФ своих органов судебной власти противоречит принципу разделения властей (ст. 10 Конституции РФ) и свидетельствует о централизации судебной системы [2, с. 91]. По его мнению, это умаляет правовой статус субъектов Федерации и игнорирует Россию как федеративное государство. Отсутствие региональных конституционных судов снижает возможности защиты конституционных прав граждан на региональном уровне и усложняет контроль за соответствием региональных нормативных актов уставу или конституции субъекта Федерации.

В системе единого правового федерализма конституции и уставы субъектов Российской Федерации, безусловно, играют ключевую роль. Они являются не только источниками регионального законодательства, но и фундаментом правового регулирования на местах. На основании проведенного анализа научной доктрины и актуального законодательства были сформулированы следующие выводы.

Во-первых, региональные основные законы обладают особой юридической природой, сочетая черты закона и учредительного акта, при этом строго соблюдая принцип субординации по отношению к Конституции РФ. Во-вторых, несмотря на тенденцию к унификации, регионы сохраняют возможность введения дополни-

тельных гарантий прав граждан [9, с. 341], что особенно заметно в субъектах Федерации со статусом республики. В-третьих, федеральные конституционные новеллы 2020 года требуют приведения региональных актов в соответствие с новыми стандартами социального государства и сбалансированности прав и обязанностей субъектов общественных отношений.

Вместе с тем, упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Фе-

дерации вызывает опасения ученых относительно качества защиты прав граждан и соблюдения принципа разделения властей на региональном уровне. Дальнейшее совершенствование конституционного законодательства субъектов РФ должно быть направлено на поиск баланса между укреплением вертикали власти и сохранением самостоятельности регионов, гарантированной Конституцией Российской Федерации.

Список литературы

1. Буйновский И. В. Конституции (уставы) субъектов РФ как источники конституционного права / И. В. Буйновский // Научные исследования. 2021. № 1 (36). С. 33-35. – EDN EHLNIQ.
2. Цалиев А. М. Федеральные конституционные новеллы - в конституции республик / А. М. Цалиев // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 88-95. – DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-1-88-95. – EDN GFGWGS.
3. Игнатьев А. В. Об особенностях конституции (устава) субъекта РФ как источника регионального законодательства / А. В. Игнатьев // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 210-217. – EDN SBDDTY.
4. Сафина С. Б. Конституция республики-субъекта РФ в контексте Российского федерализма / С. Б. Сафина // Уральский Форум конституционалистов: Материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 05–11 октября 2020 года / Отв. редактор М. С. Саликов. Том Выпуск 6. Часть 1. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 217-225. – EDN QUJLZM.
5. Демидов А. А. Институт прав и свобод человека и гражданина и его отражение в конституциях республик в составе Российской Федерации / А. А. Демидов // Наука. Общество. Государство. 2013. № 4 (4). С. 81-88. – EDN TCCKNN.
6. Султанов Е. Б. Конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации / Е. Б. Султанов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 2. С. 9-16. – DOI 10.26907/2541-7738.2020.2.9-16. – EDN BRHLUT.
7. Саликов М. С. Функциональное значение конституций и уставов субъектов Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации» (авторы: Абросимова Е. Б., Афанасьева О. В., Иванов В. В. и др.) под редакцией В. А. Кряжкова. – Москва: Городец-издат, 2002. 864 с.
8. Шайхуллин М. С. Судебные гарантии развития местного самоуправления в России: некоторые вопросы теории и практики / М. С. Шайхуллин // Основополагающие вопросы публичного управления в современной России: сборник научных трудов по материалам VII Саратовских правовых чтений, посвященных 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 29–30 сентября 2016 года. – Саратов: ИП Коваль Юлия Владимировна, 2016. С. 96-98. – EDN YQTSIT.
9. Адвокатская деятельность и адвокатура в России : Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. 527 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

References

1. Buinovsky I. V. Constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation as sources of constitutional law / I. V. Buinovsky // Scientific research. 2021. № 1 (36). Pp. 33-35. – EDN EHLNIQ.
2. Tsaliev A. M. Federal constitutional novels - in the constitution of the republics/A.M. Tsaliev // North Caucasian Legal Bulletin. 2021. № 1. P. 88-95. – DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-1-88-95. – EDN GFGWGS.
3. Ignatiev A. V. On the peculiarities of the constitution (charter) of a constituent entity of the Russian Federation as a source of regional legislation / A.V. Ignatiev // Issues of Russian and international law. 2024. T. 14. № 7-1. Pp. 210-217. – EDN SBDDTY.
4. Safina S. B. Constitution of the Republic-subject of the Russian Federation in the context of Russian federalism / S. B. Safin // Ural Forum of Constitutionalists: Materials of the Sixth Ural Forum of Constitutionalists, Yekaterinburg, October 05-11, 2020/Otv. editor M.S. Salikov. Volume Issue 6. Part 1. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Law University,» 2021. Pp. 217-225. – EDN QUJLZM.
5. Demidov A. A. Institute of Human Rights and Freedoms and its reflection in the constitutions of the republics

- within the Russian Federation / A. A. Demidov // Science. Society. State. 2013. № 4 (4). Pp. 81-88. – EDN TCCKNN.
6. Sultanov E. B. Constitutional foundations of the unity of public power in the Russian Federation / E. B. Sultanov // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2020. T. 162, № 2. Pp. 9-16. – DOI 10.26907/2541-7738.2020.2.9-16. – EDN BRHLUT.
7. Salikov M. S. The functional significance of the constitutions and charters of the constituent entities of the Federation // Constitutional law of the constituent entities of the Russian Federation» (authors: Abrosimova E. B., Afanasyeva O. V., Ivanov V. V. and others) edited by V. A. Kryazhkov. - Moscow: Gorodets-Izdat, 2002. 864 p.
8. Shaikhullin M. S. Judicial guarantees for the development of local self-government in Russia: some questions of theory and practice / M.S. Shaikhullin // Fundamental issues of public administration in modern Russia: a collection of scientific works based on the materials of the VII Saratov legal readings dedicated to the 85th anniversary of the Saratov State Law Academy, Saratov, September 29-30, 2016. - Saratov: IP Koval Julia Vladimirovna, 2016. Pp. 96-98. – EDN YQTSIT.
9. Advocacy and advocacy in Russia: Textbook for Masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. - 1st ed.. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 527 p. - (Bachelor. Academic course). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

Информация об авторе (авторах): Халиев Ислам Камилевич, магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18, кор. 1).

Information about the author(s): Khaliev Islam Kamilevich, Master's student Kazan (Volga) Federal University (420008, Russia, Kazan, ul. Kremlin, 18, cor. 1).

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 18.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 12.04.2026; approved after 18.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Научная статья
УДК 342.725.1
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.11.2.008

Коллизии статуса государственного языка Российской Федерации и языков республик: двуязычие в официальном документообороте как источник правовых споров

Н.Я. Халилова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
narminchik5@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется правоприменительная практика реализации положения части 2 ст. 68 Конституции Российской Федерации, закрепляющего право республик устанавливать свои государственные языки, которые используются в органах государственной власти и государственных учреждениях наряду с государственным языком Российской Федерации. Автор акцентирует внимание на использовании в законоположении слова «наряду», отмечая, что такое использование может приводить к расхождению между его широкой интерпретацией гражданами и официальным толкованием правотворческими и правоприменительными органами. На основе анализа нормативных правовых актов и судебной практики, выделяются три различных режима действия исследуемой нормы Конституции Российской Федерации. Первый режим рассматривается с позиции документооборота федерального значения. Второй режим исследуется с позиции документооборота регионально-субъектного уровня публичного властвования, в котором оформление документов на государственном языке субъекта Федерации возможно, но исключительно при условии параллельного использования русского языка. Третий режим рассмотрен с позиции реализации права граждан на обращения, где закон одновременно устанавливает унификацию на русском языке, и то же время защищает право граждан быть услышанными на родном языке. Автором статьи делается вывод, о том, что правоприменительная практика использования в части 2 ст. 68 Конституции Российской Федерации слова «наряду» рассчитана на условия соблюдения языкового многообразия в зависимости от сферы правового регулирования. В сфере ключевых удостоверяющих документов оно полностью вытесняется федеральной унификацией, в сфере производных документов – допускается в усеченном виде, в сфере обращений граждан реализуется в полной мере, обеспечивая защиту языкового многообразия. В статье рассматривается вопрос о совершенствовании деятельности органов государственной власти республик в части сохранения, развития и защиты национальных языков в рамках стратегического планирования и в соответствии с положениями федерального и регионально-субъектного законодательства.

Ключевые слова: государственный язык, языковое многообразие, Конституция Российской Федерации, республики, унификация документов.

Для цитирования: Халилова Н.Я. Коллизии статуса государственного языка Российской Федерации и языков республик: двуязычие в официальном документообороте как источник правовых споров // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 47–51.

Original article

Collisions between the status of the state language of the Russian Federation and the languages of the republics: bilingualism in official document flow as a source of legal disputes

N.Ya. Khalilova

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation
narminchik5@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the law enforcement practice of implementing the provision of Part 2 of Art. 68 of the Constitution of the Russian Federation, which enshrines the right of republics to establish their state languages, which are used in government bodies and institutions along with the state language of the Russian Federation. The author focuses on the term «along,» noting that it leads to a discrepancy between its broad interpretation by citizens and the restrictive interpretation by law-making and law enforcement agencies. Based on the analysis of regulatory

legal acts and judicial practice, three different modes of operation of the constitutional provision are distinguished. The first mode, called «hard», is demonstrated for documents of federal significance. The second mode applies to derivative official documents, where their execution in the national language is possible, but only if the parallel use of the Russian language is provided. The third regime is implemented in the field of receiving appeals from citizens, where the law simultaneously establishes unification in Russian, and at the same time protects the citizen's right to be heard in his native language. The author concludes that the law enforcement practice of constitutional consolidation «along» does not consider a single imperative, but its content varies depending on the sphere of legal regulation. In the field of key certifying documents, it is completely supplanted by federal unification, in the field of derivative documents it is allowed in a truncated form, and in the field of citizens' appeals it is fully implemented, ensuring the protection of linguistic diversity. The author also pays special attention to the possibilities of the legislative bodies of the republics in the preservation and development of national languages within the framework of strategic planning, subject to restrictions - the absence of norms that contradict the norms of federal legislation.

Key words: state language, linguistic diversity, Constitution of the Russian Federation, republics, unification of documents.

For citation: Khalilova N.Ya. Collisions between the status of the state language of the Russian Federation and the languages of the republics: bilingualism in official document flow as a source of legal disputes // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 47–51.

Поскольку Российская Федерация является многонациональным государством, на территории которого исторически проживают многочисленные народы, она выступает носителем значительного языкового многообразия. Часть 2 статьи 68 Конституции Российской Федерации закрепляет: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации»¹.

Особого внимания в данной формулировке заслуживает использование слова «наряду», порождающее неоднозначность правоприменительной практики. Суть коллизии сводится к разнице в восприятии: граждане зачастую трактуют его как гарантию полного равноправия языков во всех сферах публичной жизни, тогда как законодатель и правоприменитель исходят из его строго коррелирующего функционала. Анализ нормативных актов и судебной практики позволяет выделить три принципиально разных режима действия этого конституционного положения.

Наиболее императивный подход демонстрируется в отношении документов, име-

ющих общефедеральное значение. Здесь слово «наряду» фактически утрачивает силу, уступая место принципу унификации. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2023 № 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации» закрепляет абсолютный приоритет единой формы: бланки паспорта изготавливаются исключительно на русском языке. Нумерация страниц, состав реквизитов и иные элементы унификации не подлежат изменению на уровне субъекта Федерации².

Данный подход был последовательно сформирован судебной практикой в отношении ранее действовавшего регулирования и подтвержден в Постановлении Правительства Российской Федерации № 2267. Попытки ряда республик (в частности, Республики Татарстан) использовать вкладыши на национальных языках со ссылкой на конституционную формулировку «наряду» были признаны судами незаконными. Примечательно, что спор возник вокруг документа, выдаваемого федеральным органом и действующего на всей территории страны – то есть формально выходящего за пределы сферы, очерченной частью 2 статьи 68 Конституции Российской Федерации. Впрочем,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2026).

² Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 23 декабря 2023 г. № 2267 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2026).

такая постановка вопроса со стороны республики не лишена оснований: в ходе паспортной реформы 2001-2004 годов федеральный центр разрешил Республике Татарстан (как и другим республикам Российской Федерации) использовать вкладыши в паспорт на татарском языке. Однако сам факт подобного спора свидетельствует о стремлении распространить действие конституционной нормы и на общефедеральные удостоверения личности.

Принцип унификации документов на русском языке распространяется на паспорт гражданина Российской Федерации, заграничный паспорт гражданина Российской Федерации, а также водительское удостоверение. Судебные инстанции, включая Конституционный Суд Российской Федерации, обосновывают данный подход необходимостью обеспечения «единого языкового пространства». Содержание документа должно быть доступно для восприятия любому должностному лицу на всей территории страны – от Калининграда до Владивостока. Наличие записей исключительно на национальном языке республики в таком документе создает неприемлемый риск невозможности идентификации личности, проверка подлинности бланка и, как следствие, ограничения прав гражданина. В этой сфере публичных отношений использование в конституционной норме слова «наряду» создает предпосылки для спорных ситуаций и различия в объемах использования языков с точки зрения принципа соблюдения языкового многообразия в Российской Федерации.

Подобная унификация может создавать ложное впечатление о спорных ситуациях, когда сложно найти компромисс в субъектах с большим объемом языкового многообразия. В целом, в России практически отсутствуют какие-либо ущемления прав по языковому принципу. Если человек не знает русского языка, ему предоставляется переводчик. Также, любой гражданин может направить обращение на родном языке. Необходимо отметить, что органы государственной власти и местного са-

моуправления придерживаются позиции соблюдения положений текущего законодательства. Между тем в практике регулирования языковых отношений органы публичной власти должны учитывать традиции формировавшиеся десятилетиями [5, с. 22] с тем, чтобы обеспечивать сбалансированный характер регулирования социальных отношений.

Вместе с тем коллизии в языковых отношениях все же существуют. Так, согласно правовой позиции высшего органа конституционной юстиции от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации¹», «положение о русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (статья 68, часть 1, Конституции Российской Федерации в действующей редакции), основано на объективном признании исторической роли русского народа в образовании российской государственности. Эта норма не умаляет достоинства других народов и не может рассматриваться как несовместимая с конституционными положениями о многонациональном народе (статья 3, часть 1), равенстве прав и свобод человека вне зависимости от национальности (статья 19, часть 2), а также равноправии и самоопределении народов (преамбула)». Следовательно, приоритет русского языка в ключевых федеральных документах – это не дискриминация, а функциональная необходимость, обеспечивающая единство правового пространства при полном сохранении гарантий [4, с. 69] для языкового многообразия [6, с. 64].

Иной баланс интересов наблюдается в отношении других официальных доку-

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1844.

ментов. Здесь государство допускает использование государственных языков республик, однако такое использование осуществляется с учетом особенностей многообразия языковых отношений. Оформление документов на национальном языке возможно, но исключительно при условии параллельного использования русского языка. Критерием отнесения документов к этой категории является отсутствие у них статуса единственного универсального удостоверения личности общероссийского действия. К числу таких документов относятся, в частности, документы об образовании, документы миграционного учета, свидетельства о государственной регистрации актов гражданского состояния, военные билеты, трудовые книжки и иные. В этом смысле использование в базовых положениях слова «наряду» реализуется в качестве дополнения к правовому статусу государственного языка Российской Федерации.

Наконец, третий полюс правоприменения касается не выдачи государством документов, а приема обращений от граждан [1, с. 6]. Важно различать требования к оформлению официальных бланков и порядок коммуникации гражданина с государством. Если в первом случае закон устанавливает унификацию на русском языке, то во втором – защищает право гражданина быть услышанным на родном языке.

Показателен случай, произошедший в Республике Башкортостан. Гражданин Б. обратился в суд с иском к местному УМВД, поскольку ведомство оставило без рассмотрения его обращение, составленное на башкирском языке. Отказ мотивировали тем, что делопроизводство ведется исключительно на русском языке. Суд удовлетворил иск, признав отдел МВД виновным в нарушении конституционного права граждан на пользование родным языком¹.

Позиция суда также основывается

на нормах Федерального закона от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращения граждан»², в котором закреплено право направлять обращения на государственном языке республики³. Сам по себе факт подачи заявления на государственном языке республики не может служить основанием для отказа в его приеме и рассмотрении [7, с. 168].

Таким образом, правоприменительная практика демонстрирует, что использование в конституционном правопонимании слова «наряду» содержит конституционно значимые императивы. В сфере ключевых удостоверяющих документов оно полностью вытесняется федеральной унификацией, в сфере производных документов – допускается в усеченном виде, и лишь в плоскости входящих обращений граждан реализуется в полной мере, обеспечивая защиту языкового многообразия.

Использование национального языка в республиках имеет еще одно политико-правовое измерение. В документах стратегического планирования сохранение и развитие национальных языков определяется как важная часть правовой политики государства. Республиканский законодатель имеет возможность закреплять отношения в сфере использования национального языка, реализуя общий смысл статей 68 (ч.3), 71 (п. «в»), 76 (ч.3, ч.4) Конституции РФ⁴. Республиканский законодатель имеет возможность закреплять соответствующие отношения, реализуя общий смысл статей 68 (ч. 3), 71 (п. «в»), 76 (ч. 3, ч. 4) Конституции РФ [2, с. 78].

Помимо правовой регламентации важна и идеологическая составляющая, которую несут в себе как регулирующие нормы, так и нормы-принципы федерального и республиканского уровня. Они обладают мотивационным потенциалом, способным побудить человека выбрать тот или иной вариант поведения, предписанный нормой

¹ Операция «Барьер»: УМВД Стерлитамака проигнорировало заявление на башкирском // idel.Реалии. 2017. 6 сентября. URL: <https://www.idealreal.org/a/28718307.html> (дата обращения: 16.04.2024).

² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2026).

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2026).

⁴ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Утв. Указом Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // СЗ РФ. 2025.

права, а также воздержаться от него [3, с. 11].
Расширяя правовое регулирование отношений в сфере использования национального государственного языка, республики имеют возможность более качественно выполнять задачи, связанные с обеспечением сбалансированности общественных отношений на конкретной территории.

Список литературы

1. Адамова Э. Р. О политическом характере конституционного права на обращение // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саранск, 2023. С. 3-6.
2. Малый А.Ф., Цвиль В.С. Права и свободы человека и гражданина: проблемы вертикального разграничения законодательной компетенции: моногр. / А.Ф.Малый, В.С. Цвиль. – Архангельск: Сев. (Аркт.) фед. ун-т, 2011. 278 с.
3. Нигметзянов А. А. О мотивирующем влиянии права на личность // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 10-13.
4. Шайхуллин М. С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шайхуллин Марат Селирович, 2020. 515 с. – EDN MLICYO.
5. Шайхуллин М. С. Традиции местного самоуправления для муниципальной власти в России / М. С. Шайхуллин // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 22-25. – EDN KYONCB.
6. Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы / А. В. Колесников, Е. А. Абаева, П. А. Астафичев [и др.]. – Москва : Издательство «ДМК ПРЕСС», 2023. 385 с. – ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
7. Шайхуллин М. С. О некоторых проблемах реализации статьи 33 Конституции Российской Федерации / М. С. Шайхуллин // Матрица научного познания. 2021. № 2-2. С. 167-169. – EDN JDFFAY.

References

1. Adamova E. R. On the political nature of the constitutional right to appeal//Actual problems of public interaction with state authorities and local authorities. Collection of works of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Central Volga Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Saransk, 2023. Pp. 3-6.
2. Maly A. F., Zvil V. S. Human and civil rights and freedoms: problems of vertical delimitation of legislative competence: monogr / A. F. Maly, V. S. Zvil. - Arkhangelsk: North. (Arct.) Fed. un-t, 2011. 278 p.
3. Nigmatzyanov A. A. On the motivating influence of law on personality // Legal psychology. 2024. № 3. Pp. 10-13.
4. Shaikhullin M. S. Constitutional and legal guarantees for the development of local self-government in the Russian Federation: specialty 12.00.02 «Constitutional law; constitutional litigation; municipal law»: dissertation for the degree of Doctor of Law / Shaikhullin Marat Selirovich, 2020. 515 p. – EDN MLICYO.
5. Shaikhullin M. S. Traditions of local self-government for municipal authorities in Russia / M. S. Shaikhullin // Constitutional and municipal law. 2009. № 12. Pp. 22-25. – EDN KYONCB.
6. The Constitution of the Russian Federation as a model of convergence of components of the domestic legal system / A. V. Kolesnikov, E. A. Abaev, P. A. Astafichev [and others]. - Moscow: DMK PRESS Publishing House, 2023. 385 p. - ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
7. Shaikhullin M. S. On some problems in the implementation of Article 33 of the Constitution of the Russian Federation / M. S. Shaikhullin // Matrix of scientific knowledge. 2021. № 2-2. Pp. 167-169. – EDN JDFFAY.

Информация об авторе (авторах): Халилова Н.Я., аспирант кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18).

Information about the author(s): Khalilova N.Ya., Postgraduate Student, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, (420008, Kazan, Kremlyovskaya Street, 18).

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 22.04.2026; approved after 27.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Оспаривание сделок в банкротном процессе по основанию подозрительности

Я.Е. Леонтьева¹

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

janaleontiewa@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм оспаривания сделок должника в рамках процедур несостоятельности (банкротства). Особое внимание уделяется специальным основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности, в частности, сделкам, отвечающим признакам подозрительности, совершенным при неравноценном встречном предоставлении или с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. В литературе анализируются критерии подозрительных сделок, процедурные особенности их оспаривания и выявляются актуальные проблемы правоприменительной практики. На основе проведенного исследования предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем, направленные на совершенствование правового регулирования и повышение эффективности защиты имущественных прав кредиторов при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве). Цель работы – повысить эффективность применения норм об оспаривании сделок при несостоятельности.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, подозрительные сделки, неравноценное встречное предоставление, причинение вреда, имущественные права кредиторов.

Для цитирования: Леонтьева Я.Е. Оспаривание сделок в банкротном процессе по основанию подозрительности // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 52–55.

Original article

Contesting transactions in a bankruptcy proceeding on the basis of suspicion

Y.E. Leontieva

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russian Federation

janaleontiewa@yandex.ru

Abstract. The article examines the mechanism of challenging transactions of the debtor in the framework of insolvency (bankruptcy) procedures. Particular attention is paid to special grounds provided for by insolvency law, in particular, transactions that meet the signs of suspicion, committed with unequal counter-provision or with the aim of harming the property rights of creditors. The author analyzes the criteria for suspicious transactions, the procedural features of their challenge and identifies topical problems of law enforcement practice. Based on the study, specific ways are proposed to solve the identified problems aimed at improving legal regulation and increasing the effectiveness of protecting the property rights of creditors when considering insolvency (bankruptcy) cases. The purpose of the work is to increase the effectiveness of the application of the rules on challenging transactions in insolvency.

Key words: bankruptcy, challenging transactions, suspicious transactions, unequal counter-provision, causing harm, property rights of creditors.

For citation: Leontieva Y.E. Contesting transactions in a bankruptcy proceeding on the basis of suspicion // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 52–55.

Оспаривание сделок является одним из ключевых механизмов, позволяющим обеспечить защиту прав кредиторов посредством возвращения в конкурсную мас-

¹ Научный руководитель – А.Ф. Малый, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

су имущества, которое было неправомерно отчуждено, путем применения реституции.

Спорам об оспаривании сделок присуща многосубъектность, которая в свою очередь проявляется в круге лиц, наделенных правом обращения в арбитражный суд с заявлением о признании сделки недействительной. К их числу, согласно статье 61.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве)¹, относятся арбитражный управляющий, действующий либо по своей инициативе, либо по решению собрания кредиторов. Стоит отметить, что обращение с заявлением для арбитражного управляющего является правом, а не обязанностью, в связи с чем наличие положительного / отрицательного решения собрания кредиторов не имеет ключевой роли. Арбитражный управляющий может обратиться в суд и без одобрения кредиторов; конкурсный кредитор или уполномоченный орган, при условии, что размер задолженности Должника перед таким реестровым кредитором должен составлять более 10% от общего размера кредиторской реестровой задолженности за исключением требований кредитора, в основании которых лежит сделка, оспариваемая в рамках процедуры.

Оспаривание сделки может происходить как по специальным банкротным основаниям, так и по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ)².

Законодатель исходит из позиции приоритета специальных оснований над общими, предусмотренными ГК РФ [1, с. 52]. Последовательное применение сначала специальных, а затем общих оснований отражает общеправовой принцип приоритета специального регулирования (*lex specialis derogat legi generali*). Применение специальных норм Закона о банкротстве

в первую очередь позволяет учесть специфические цели процедуры несостоятельности – восстановление конкурсной массы и обеспечение паритета кредиторов.

В рамках настоящего исследования разберем подробнее одно из специальных оснований – сделки с подозрительностью. Под подозрительной сделкой понимается сделка, совершенная должником в период подозрительности, определенный Законом о банкротстве, в результате которой произошло уменьшение стоимости активов должника (конкурсной массы) и (или) непосредственно причинен вред имущественным правам кредиторов [2, с. 55].

Последовательный анализ ст. 61.2 Закона о банкротстве, позволяет выделить две группы подозрительных сделок, которые делятся по двум критериям: период совершения сделки (объективный критерий) и направленность сделки (субъективный фактор). Сделка, совершенная при неравноценном встречном предоставлении со стороны контрагента. Период оспоримости такой сделки составляет год до принятия заявления о признании Должника банкротом, либо после принятия такого заявления. Неравноценность предполагает, что стоимость того, что контрагент предоставил Должнику по сделке, составляет сумму значительно меньше, чем стоимость имущества (услуг, работ), переданного Должником, в пользу такого контрагента по сделке. Неравноценность влечет уменьшение ликвидных активов Должника, которые могли бы стать частью конкурсной массы последнего, и, как следствие, причиняет вред имущественным правам кредитора [3, с. 114]. При этом в рамках оспаривания данного вида сделок законодатель не предъявляет требований о необходимости доказывания недобросовестности контрагента, так как последняя презюмируется ввиду причинения вреда правам кредиторов таким видом сделок³. Таким образом, для признания сделки

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 (с изм. от 31.07.2025) № 127-ФЗ // Собрание законодательства. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства. 1994. №32. Ст. 3301.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 №953-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Колпаковой Светланы Александровны и Сычугова Валерия Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.01.2026).

должника недействительной по указанному основанию надлежит доказать два формальных обстоятельства: факт совершения должником сделки в период, предусмотренный нормами банкротного законодательства, и ее неравноценность. Если первое обстоятельство доказать не составляет труда, то с доказыванием неравноценности сделки на практике часто возникает проблема. Последняя обусловлена тем, что понятие «неравноценность» в существе своем является оценочной категорией, однако законодателем, в свою очередь, не дано в полном объеме определение указанного понятия, не раскрыты точные критерии, которые необходимо использовать для оценки такой «неравноценности», не разрешены вопросы относительно достаточности доказательств, представляемых заявителем [3, с. 114]. В связи с указанными обстоятельствами арбитражные суды самостоятельно вырабатывают критерии в процессе толкования и применения нормы права, в частности: а) соответствие стоимости предмета сделки рыночной стоимости на аналогичное имущество (работы, услуги). При этом арбитражными судами не установлен единый подход относительно процентного отклонения стоимости сделки и рыночной стоимости, что в свою очередь создает определенную противоречивость в данном вопросе [4, с. 1]; б) существо иных условий сделки, в частности, направлены ли они на ухудшение положения должника по сравнению с условиями аналогичных сделок при сравнимых обстоятельствах.

На наш взгляд, отсутствие сформированных критериев для оценки сделок как неравноценных ведет к дисбалансу в судебной практике и не соблюдению принципа единообразия последней. В связи с чем необходимо дополнить ст. 61.2 Закона о банкротстве следующими положениями: «неравноценность предполагается в случае, если рыночная стоимость на аналогичное имущество (товар, услуги) отклоняется от цены сделки на 20 и более процентов. Доказательство того, что сделка не носила характер неравноценности и ее цена была экономически обоснованной, возлагается на контрагента».

На наш взгляд, установление презумп-

ции существенности создаст конкретный ориентир не только для участников банкротного дела, но и для арбитражных судов, что в свою очередь ускорит процесс доказывания. Более того, перераспределение бремени доказывания позволит защитить добросовестных участников гражданского оборота, в том числе независимых кредиторов должника.

Сделка, совершенная с целью причинить вред имущественным правам кредиторов. В пункте 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве установлена совокупность формальных признаков, наличие которых предполагает, что сделка отвечает признакам подозрительности, а, следовательно, и недействительности: период совершения сделки; три года до принятия заявления о признании должника банкротом или непосредственно после такого принятия; цель – причинить вред имущественным правам кредиторов; сделка причинила вред имущественным правам кредиторов; контрагент по сделке на момент ее заключения знал или должен был знать об указанной цели должника [5].

В целях признания сделки недействительной по данному основанию необходимо доказать перечень обстоятельств, указанных выше, при отсутствии доказанности хотя бы одного из них арбитражный суд отказывает в удовлетворении заявления.

Для того, чтобы избежать признания сделки недействительной контрагенту фактически необходимо доказать свою добросовестность, которая проявляется в неосведомленности об истинных целях сделки. Однако в национальном законодательстве на данный момент отсутствует четкое, всеобъемлющее и универсальное определение этого понятия, что в процессе доказывания вызывает определенные трудности [6, с. 1]. Добросовестный контрагент может столкнуться с проблемой отсутствия доказательств о неинформированности наличия у должника признаков неплатежеспособности.

На наш взгляд, решить указанную проблему можно исключительно посредством формирования специального акта толкования права. Последний должен содержать в себе единообразный подход, подлежащий применению всеми арбитражными суда-

ми при оценке добросовестности контрагентов по оспариваемым сделкам, а также конкретные критерии осмотрительности, из которых должен исходить сам контрагент на этапе заключения сделки, а также степень влияния таких критериев на судьбу оспариваемой сделки. Указанные изменения позволят преодолеть правовую неопределенность при разрешении указанного вопроса, а также упростят процесс доказывания недобросовестности.

Итак, оспаривание сделки – довольно сложный и неоднозначный механизм, который имеет определенные проблемы, нуждающиеся в оперативном решении.

В частности, в практике имеет место проблема определения критериев добросовестности участников оспариваемой сделки, а также критериев для оценки неравноценности сделки. Решение указанных проблем возможно путем внесения предложенных изменений в банкротное законодательство или издания Верховным судом Российской Федерации специального акта толкования права, которые бы позволили как правоприменителю, так и участникам банкротных дел лучше понять содержание указанного механизма, а также обеспечили бы единообразие судебной практики в исследуемом вопросе.

Список литературы

1. Рачеева Ю. В. Правовая специфика оспаривания сделок должника в банкротстве // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 1. С. 52-58.
2. Стрекаловский А. А. Определение понятий подозрительных сделок и сделок с предпочтением в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Вестник науки. 2022. № 2 (47). С. 55-58.
3. Меринова Ю. Д. Проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 114-116.
4. Тестова Ю. Неэквивалентные сделки. Как суды определяют неравноценность встречного исполнения // Арбитражная практика для юристов. 2021. № 11. С. 1-4.
5. Бондаренко Ю. Как оспорить сделки должника в банкротстве Часть 3. Причинение вреда имущественным правам кредиторов // Zakon.ru. 2021. 6 фев.
6. Кашеев Д. В. Проблемы оспаривания сделок при банкротстве юридических лиц // Вестник Евразийской науки. 2024. № 2. С. 1-9.

References

1. Racheeva Yu. V. Legal specifics of contesting the debtor's transactions in bankruptcy // Legal regulation of economic activity. 2022. №. 1. Pp. 52-58.
2. Strekalovsky A. A. Definition of the concepts of suspicious transactions and transactions with preference in the legislation on insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation // Vestnik nauki. 2022. №. 2 (47). Pp. 55-58.
3. Merinova Yu. D. Problems of Contesting Transactions with Unequal Counterperformance of Obligations // Molodoy Uchenyy. 2020. № 7 (297). Pp. 114-116.
4. Testova Yu. Non-Equivalent Transactions. How Courts Determine the Inequivalence of Counter-Performance // Arbitration Practice for Lawyers. 2021. №. 11. Pp. 1-4.
5. Bondarenko Yu. How to challenge the debtor's transactions in bankruptcy Part 3. Damage to creditors' property rights // Zakon.ru. 2021. 6 Feb.
6. Kashcheev D. V. Problems of challenging transactions in the bankruptcy of legal entities // Bulletin of Eurasian Science. 2024. №. 2. Pp. 1-9.

Информация об авторе (авторах): Леонтьева Яна Евгеньевна, магистрант юридического факультета Казанского (Приволжского) Федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18).

Information about the author(s): Leontieva Yana Evgenievna, Master's student of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlyovskaya Street, 18).

Статья поступила в редакцию 18.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 18.04.2026; approved after 28.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса

Ф.Б. Мухаметшин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется правовое положение потерпевшего на различных этапах уголовного судопроизводства. Актуальность темы исследования определяется тем, что на практике со стороны должностных лиц правоохранительных органов допускаются нарушения при обеспечении законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. Исследуется правовой статус потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса. Отмечается, что потерпевший является самостоятельным и важным участником уголовного судопроизводства, чей правовой статус непосредственно связан с реализацией конституционного принципа признания прав и свобод человека высшей ценностью. В материале внимание уделяется недостаткам действующего правового регулирования, в частности отсутствию четкого механизма уведомления пострадавшего о принятых решениях, необоснованному продлению сроков проверки сообщений о преступлениях, а также ограничению доступа потерпевшего к материалам уголовного дела. Проводится сопоставительный анализ правового статуса потерпевших от преступлений и подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений. По мнению автора статьи, потерпевший нередко находится в дискриминирующем положении по сравнению с подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, что противоречит принципу состязательности сторон. Приводятся различные научные позиции относительно вопроса соблюдения прав потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализируются статистические данные по регистрации и разрешению материалов о преступлениях. Аргументируется позиция о развитии права потерпевших от преступлений на квалифицированную юридическую помощь. В материале автор указывает на недостатки действующего уголовно-процессуального законодательства в части реализации потерпевшим своих прав, а также на пробелы в этом законодательстве, требующие внесения поправок в нормы УПК РФ. Предлагаются некоторые пути преодоления проблем, связанных с регламентацией прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, представитель потерпевшего, приостановление, прекращение, уголовное дело, ознакомление с материалами.

Для цитирования: Мухаметшин Ф.Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 56–61.

Original article

Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process

F.B. Mukhametshin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the legal status of the victim at various stages of criminal proceedings. The relevance of the topic of research is determined by the fact that in practice, violations are committed by law enforcement officials while ensuring the legal rights and interests of persons affected by crimes. The legal status of the victim at the pre-trial stage of the criminal process is being investigated. It is noted that the victim is an independent and important participant in criminal proceedings, whose legal status is directly related to the implementation of the constitutional principle of recognizing human rights and freedoms as the highest value. The material pays attention to the shortcomings of the current legal regulation, in particular, the lack of a clear mechanism for notifying the victim of the decisions made, the unjustified extension of the terms for checking reports of crimes, as well as restricting the victim's access to the materials of the criminal case. A comparative analysis of the legal status of victims of crimes and suspects accused of committing crimes is being carried out. According to the author of the article, the victim is often in a discriminatory position compared to the suspect and accused of committing crimes,

which contradicts the principle of adversarial parties. Various scientific positions are given regarding the issue of respecting the rights of victims at the pre-trial stages of the criminal process. Statistical data on the registration and resolution of crime materials are analyzed. The position on the development of the right of victims of crimes to qualified legal assistance is argued. In the material, the author points out the shortcomings of the current criminal procedure legislation in terms of the victims' realization of their rights, as well as gaps in this legislation requiring amendments to the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Some ways are proposed to overcome the problems associated with the regulation of the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process.

Key words: criminal process, victim, victim's representative, suspension, termination, criminal case, familiarization with the materials.

For citation: Mukhametshin F.B. Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 56–61.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а соблюдение, защита прав и свобод человека – обязанность государства¹. В настоящее время в Российской Федерации создана комплексная и надежная система защиты прав и свобод человека, в том числе и в области уголовного судопроизводства². Одним из главных назначений уголовного судопроизводства наряду с другими является защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений.

Как отмечает И.Г. Смирнова, «решение вопроса о защите прав личности в уголовном судопроизводстве является ключевым, поскольку напрямую связано с определением задач назначения уголовного судопроизводства» [1, с. 8]. Согласно статье 42 УПК РФ, потерпевшим по уголовному делу признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Физические и юридические лица, пострадавшие от преступления, незамедлительно обращаются в соответствующие государственные органы с устным или письменным заявлением о причинении им какого-либо вреда и об установлении виновных. Таким образом, началу уго-

ловного судопроизводства предшествует получение сообщения (заявления) о совершенном преступлении. Заявления пострадавших от преступления являются одним из поводов для возбуждения уголовного дела и основанием для начала проверочных действий. Уголовно-процессуальное законодательство наделяет заявителя-пострадавшего правами и обязанностями. В частности, он несет ответственность за правдивость информации, изложенной в заявлении, а также имеет право обжаловать в суд решение должностного лица в случае отказа в приеме заявления, имеет право знать о принятом решении по его заявлению. Сроки проведения проверки по поступившим заявлениям о преступлении предусмотрены статьей 144 УПК РФ. Минимальный срок, в рамках которого должно быть принято законное и обоснованное решение, составляет 3 суток. Как исключение допускается продление срока до 10 суток, а в отдельных случаях и до 30 суток. Как показывает практика правоохранительных органов, должностные лица по различным, иногда необоснованным, основаниям нередко продлевают сроки проверки по поступившим заявлениям. По меткому высказыванию К.Б. Калиновского и А.Е. Чечетина, исключительные случаи превратились в обычную практику [2, с. 10].

Так, по данным статистической формы 713 (2-Е)³, в 2020 – 2025 гг. в органы

¹ Конституция Российской Федерации (принята Всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с поправками от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

³ ИСОД МВД России. Сервис ведомственной правовой статистики (дата обращения 10.04.2026).

внутренних дел Российской Федерации поступило 70 487 309 сообщений о преступлениях, из них 13 945 230 были присоединены к ранее поступившим сообщениям, 2 069 080 – переданы для разрешения в подчиненный орган. По 9 369 684 сообщениям были приняты решения о возбуждении уголовного дела, по 36 085 023 – об отказе

в возбуждении уголовного дела, из них в срок от 3 до 10 суток – по 25 704 066, свыше 10 суток – по 5 504 601. В дальнейшем по итогам прокурорских проверок было отменено 5 698 656 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе с последующим возбуждением уголовных дел – по 1 059 548 (см. таблицу).

Таблица

Регистрация и разрешение материалов о преступлениях

Годы	Поступило сообщений о преступлении		По сообщениям о преступлении принято решений		Решение принято в сроки		Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	
	Всего	из них						
		Присоединено к ранее зарегистрированным сообщениям	передано для разрешения в подчиненный орган					
2020 г.	11 425 533	2 395 177	256 741	1 687 285	5 477 588	4 034 715	915 029	1 090 926
2021 г.	11 625 063	2 428 155	314 486	1 669 580	5 694 244	4 160 855	930 327	1 018 864
2022 г.	11 937 538	2 495 925	326 997	1 615 309	5 963 959	4 315 366	957 315	966 941
2023 г.	12 124 986	2 432 285	358 615	1 580 129	6 200 969	4 401 988	910 270	915 737
2024 г.	12 090 933	2 281 341	399 685	1 505 923	6 440 489	4 498 000	929 028	892 223
2025 г.	11 283 256	1 912 347	412 556	1 311 458	6 307 774	4 293 142	862 632	813 965
ИТОГО:	70 487 309	13 945 230	2 069 080	9 369 684	36 085 023	25 704 066	5 504 601	5 698 656

По итогам проверки в соответствии со статьей 145 УПК РФ по поступившему заявлению принимается одно из следующих решений: 1) О возбуждении уголовного дела; 2) Об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) О передаче сообщения по подследственности; 4) О принятом решении сообщается заявителю.

Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует, каким способом заявитель должен быть уведомлен о принятом решении. Согласно части 4 статьи 148 УПК РФ, следователь или лицо, производящее дознание, принявшие решение об отказе в возбуждении уголовного дела, в течение 24 часов направляют копию постановления заявителю (с разъяснением его прав на обжалование принятого решения) и прокуро-

ру. Но, как показывает практика, на данном этапе пострадавшие длительное время остаются неинформированными о принятом решении об отказе в возбуждении уголовного дела. Таким образом, на наш взгляд, действующая норма статьи 148 УПК РФ не в полной мере обеспечивает реализацию прав и законных интересов пострадавших. По объективным причинам пострадавший не всегда своевременно может получить копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или вовсе не получить ее. Поэтому предлагается изложить часть 4 статьи 148 УПК РФ в следующей редакции: «В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела следователь, лицо производящее дознание, уведомляют об этом пострадавшего и обя-

заны пригласить его для ознакомления с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела с разъяснением ему права на обжалование принятого решения. В случае несогласия с принятым решением пострадавший имеет право на его обжалование».

В случае принятия решения о возбуждении уголовного дела по заявлению пострадавшего с момента вынесения постановления о признании его потерпевшим, он становится полноправным участником уголовного судопроизводства. Согласно статье 42 УПК РФ, потерпевший, как участник уголовного процесса, наделяется правами и обязанностями. Потерпевший, как любой участник уголовного процесса, является ценным источником информации по расследуемому уголовному делу. Информация, полученная от потерпевшего, имеет большое значение для всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств совершенного преступления. В процессе расследования уголовного дела потерпевший имеет право непосредственно участвовать в проведении следственных действий, подавать заявления и жалобы на действия должностных лиц, производящих расследование, знать о сути и объеме предъявленного обвинения и др. Вместе с тем, по мнению многих ученых, в уголовном судопроизводстве права потерпевшего оказались урезанными по сравнению с правами подозреваемого и обвиняемого. Как отмечает Д.А. Гришин, «постоянные попытки гуманизации уголовной политики государства, наращивания системы гарантий правового статуса лица, привлекаемого к уголовной ответственности, привели к тому, что потерпевший как лицо, пострадавшее от преступления не является центральной фигурой уголовного судопроизводства» [3, с. 103]. Данной позиции придерживается И.С. Смирнова, считая, что в настоящее время потерпевший по сравнению с подозреваемым, обвиняемым находится в дискриминирующем положении [4, с. 60]. В.П. Божьев, анализируя процессуальные положения потерпевшего и обвиняемого в уголовном процессе, приходит к выводу о том, что принцип состязательности сторон обвинения и защиты в ходе предва-

рительного следствия, не соблюдается, так как потерпевший, как сторона обвинения, лишен в полной мере осуществлять свои обвинительные функции, находясь в полной зависимости от органов следствия, которые самостоятельно решают вопросы допуска потерпевшего к процессу расследования [5, с. 9]. Полноценной реализации потерпевшим своего права на защиту также препятствует отсутствие у него достаточных юридических знаний. В связи с этим, согласно части 2 статьи 42 УПК РФ, потерпевший наделен правом защиты своих интересов с помощью своего представителя. В качестве представителя потерпевшего могут быть допущены адвокаты, а также иные лица, правомочные представлять его интересы в уголовном деле. Вопросы приглашения своего представителя полностью возлагаются на самого потерпевшего. Как правило, потерпевший в полном объеме не может реализовать право на защиту своих интересов с помощью представителя из-за отсутствия достаточных материальных средств для оплаты услуг адвоката, что фактически ущемляет его права на получение квалифицированной юридической помощи. Вместе с тем по уголовно-процессуальному законодательству РФ на ранних стадиях расследования подозреваемый и обвиняемый имеют право на бесплатную юридическую помощь со стороны адвоката. Поэтому считаем, что для полноценной реализации принципа состязательности на начальных стадиях уголовного судопроизводства необходимо обеспечить участие адвоката как представителя потерпевшего с момента признания его потерпевшим по уголовному делу. Следовательно, лицо, производящее дознание, при разъяснении потерпевшему его прав должны сообщить о том, что наряду с другими он имеет право на защиту своих прав и законных интересов, на бесплатную юридическую помощь.

К числу самостоятельных процессуальных действий можно отнести ознакомление потерпевшего с постановлением о приостановлении, прекращении уголовного дела или направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением или обвинительным актом. Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует поря-

док ознакомления потерпевших с принятым решением в случае приостановления или прекращения уголовного дела. Согласно части 1 статьи 209 УПК РФ, следователь обязан уведомить потерпевшего и его представителя о приостановлении предварительного расследования. Часть 4 статьи 213 УПК РФ предусматривает, что следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела потерпевшему. На наш взгляд, вышеуказанные нормы также не в полной мере обеспечивают реализацию потерпевшими своих прав и законных интересов. Поэтому предлагаем предусмотреть в УПК РФ норму, которая обязывает следателя, лицо, производящее дознание, в случае принятия ими решения о приостановлении или прекращении уголовного дела в обязательном порядке приглашать потерпевшего и его представителя для ознакомления с принятым решением.

Глава 30 УПК РФ регламентирует порядок ознакомления потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, по которому принято решение об окончании предварительного расследования с составлением обвинительного заключения. Согласно статье 216 УПК РФ, следователь ознакомливает потерпевшего с материалами уголовного дела только по его личному ходатайству. В случае отсутствия ходатайства потерпевший лишь уведомляется об окончании предварительного расследования. Таким образом, реализация прав потерпевшего, связанная с его уведомлением об окончании расследования и ознакомлением с материалами уголовного дела, приобретает особую актуальность. Как отмечают Д.П. Ищенко и Н.С. Диденко, «ознакомление с материалами уголовного дела представляет большое значение, поскольку позволяет оценить собранные доказательства, дает возможность получения дополнительных

оснований для подготовки ходатайств, судебного обжалования, сформировать свою позицию относительно законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 153]. В отдельных случаях потерпевшие формально уведомляются должностным лицом об окончании предварительного расследования. По мнению Д.А. Гришина, потерпевший является самым неинформированным участником уголовного судопроизводства. Кроме того, мнение потерпевшего в большинстве случаев не учитывается, игнорируются его права на ознакомление с материалами уголовного дела, заявления и ходатайства отклоняются по формальным основаниям. В целях дальнейшего недопущения фактов нарушений прав потерпевших предлагается изложить статью 218 УПК РФ в следующей редакции: «Признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены и собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь, лицо производящее дознание приглашают потерпевшего и его представителя для ознакомления с материалами уголовного дела. По итогам ознакомления составляется протокол».

Таким образом, потерпевший, как полноправный участник уголовного судопроизводства сталкивается со множеством проблем в ходе расследования уголовного дела. По мнению А.А. Патрушевой, «совокупность проблем создает ситуацию, в которой интересы потерпевших часто не получают адекватного учета, ответа и защиты на всех этапах судебного процесса, что в свою очередь уменьшает их доверие к справедливости судебной системы» [7, с. 72]. На наш взгляд, совершенствование правового положения потерпевших в уголовном судопроизводстве требует комплексного решения проблем, возникающих в процессе расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Смирнова И. Г. Защита прав личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Казахстан / И. Г. Смирнова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 3 (21). С. 7–12.
2. Калиновский К. Б. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса / К. Б. Калиновский, А. Е. Чечетин // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10–14.

3. Гришин Д. А. Потерпевший как менее защищенный участник уголовного судопроизводства / Д. А. Гришин // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2021 года. – Рязань, 2022. С. 102–105.
4. Смирнова И. Г. Асимметрия потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) / И. Г. Смирнова // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 59–62.
5. Божьев В. П. Тихая революция Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.
6. Ищенко Д. П. Актуальные проблемы соблюдения прав участников досудебного производства на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела, уголовного преследования / Д. П. Ищенко и Н. С. Диденко // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 152–158.
7. Патрушева А. А. Защита имущественных прав потерпевших в случае смерти обвиняемого / А. А. Патрушева // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 72–78.

References

1. Smirnova I. G. Protection of individual rights in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan / I. G. Smirnova // Siberian criminal procedural and forensic readings. 2018. № 3 (21). Pp. 7-12.
2. Kalinovskiy K. B. Protection of the rights of victims of crimes at the stage of initiating a criminal case of the Russian criminal process / K. B. Kalinovskiy A. E. Chechetin // Russian investigator. 2015. № 9. Pp. 10-14.
3. Grishin D. A. The victim as a less protected participant in criminal proceedings / D. A. Grishin // Criminal process and forensics: theory, practice, didactics: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Ryazan, December 16, 2021. - Ryazan, 2022. Pp. 102-105.
4. Smirnova I. G. Asymmetry of the victim and the accused (suspect) / I. G. Smirnova // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. № 2 (31). Pp. 59-62.
5. Bozhiev V. P. The quiet revolution of the Constitutional Court in the criminal process of the Russian Federation / V. P. Bozhiev // Russian justice. 2000. № 10. Pp. 9-11.
6. Ishchenko D. P. Actual problems of observing the rights of participants in pre-trial proceedings to familiarize themselves with the materials of the terminated criminal case, criminal prosecution / D. P. Ishchenko and N. S. Didenko // Philosophy of Law. 2022. № 4 (103). Pp. 152-158.
7. Patrusheva A. A. Protection of the property rights of victims in the event of the death of the accused / A. A. Patrusheva // Criminal process. 2021. № 2. Pp. 72-78.

Информация об авторе (авторах): Мухаметшин Фаим Баязитович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Mukhametshin Fayim Bayazitovich, Professor Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2), Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования. 19.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 09.04.2026; approved after 19.05.2026; review; accepted for publication 05.06.2026.

Об актуальности проблематики уголовного противодействия продаже несовершеннолетним алкогольной продукции

М.С. Шайхуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

selir07@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность, теоретическая и практическая значимость проблематики уголовного противодействия продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Исследована правовая основа концепции сокращения потребления алкоголя в стране на период до 2030 года. В частности подвергнуты анализу отдельные положения федеральных законов № 323, № 172, № 171 и № 468, Указы Президента Российской Федерации о демографической политике, развитии здравоохранения, ряд постановлений правительства и иные нормативные правовые акты. Изучены положения, нашедшие свое отражение в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2026 г. № 1030-р «О комплексе мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026 - 2030 гг.». Автор приводит количественные показатели, свидетельствующие о положительной динамике в области профилактики, предупреждения правонарушений и преступлений на рынке продажи и сбыта алкогольной и никотинсодержащей продукции. Подчеркивает факторность большого объема работы, выполняемой органами государственной власти на регионально-субъектном уровне, правоохранительными органами, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества. Автор приводит данные медицинских исследований, по вопросам употребления несовершеннолетними алкогольной продукции. Проанализированы отдельные положения гражданского законодательства по вопросу о розничной продаже товаров народного потребления. Если для гражданского права предусмотрена форма договора розничной купли-продажи (493 ГК РФ), то для реализации уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ имеет значение, кто именно осуществил продажу запрещенного по возрасту товара. В результате совершения публичной сделки купли-продажи продавцом может оказаться любой работник магазина, допущенный к операции по кассовому обслуживанию покупателей. При этом необходимо отметить, что согласно нормативным положениям ст. 493 ГК РФ «договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека, электронного или иного документа, подтверждающего оплату товара». В этом плане проанализированы уголовные дела по ст. 151.1 УК РФ и на этой основе сформулированы выводы и предложения.

Ключевые слова: актуальная проблема, уголовно-правовое противодействие, продажа алкоголя, распространение алкоголя, несовершеннолетние, уголовное законодательство.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Об актуальности проблематики уголовного противодействия продаже несовершеннолетним алкогольной продукции // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 62–68.

Original article

On the relevance of the problems of criminal counteraction to the sale of alcoholic beverages to minors

M.S. Shaikhullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

selir07@mail.ru

Abstract. The article substantiates the relevance, theoretical and practical significance of the problems of criminal opposition to the sale of alcoholic beverages to minors. The legal basis of the concept of reducing alcohol consumption in the country for the period up to 2030 has been investigated. In particular, certain provisions of federal laws № 323, № 172, № 171 and No. 468, Decrees of the President of the Russian Federation on demographic policy, health care development, a number of government decrees and other regulatory legal acts were analyzed.

The provisions that were reflected in the Order of the Government of the Russian Federation of April 30, 2026 No. 1030-r «On a set of measures to prevent negative social phenomena in the child and youth environment for 2026-2030» were studied. The author gives quantitative indicators indicating positive dynamics in the field of prevention, prevention of offenses and crimes in the market for the sale and sale of alcoholic and nicotine-containing products. Emphasizes the factor of a large amount of work performed by state authorities at the regional-subject level, law enforcement agencies, local authorities, civil society institutions. The author cites medical research data on the use of alcoholic beverages by minors. Analyzed individual provisions of civil legislation on the retail sale of consumer goods. If a form of a retail purchase and sale agreement is provided for civil law (493 of the Civil Code of the Russian Federation), then for the implementation of criminal liability under Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation it matters who exactly sold the goods prohibited by age. As a result of the public trace of the purchase and sale, the seller may be any store employee admitted to the cashier service operation. At the same time, it should be noted that according to the regulatory provisions of Art. 493 of the Civil Code of the Russian Federation «a retail purchase and sale agreement is considered to be concluded in the proper form from the moment the seller issues a cash or merchandise receipt, electronic or other document confirming payment for the goods to the buyer.» In this regard, criminal cases under Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and on this basis, conclusions and proposals are formulated.

Key words: actual problem, criminal law opposition, sale of alcohol, distribution of alcohol, minors, criminal law.

For citation: Shaikhullin M.S. On the relevance of the problems of criminal counteraction to the sale of alcoholic beverages to minors // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 62–68.

В соответствии со статьей 38 Конституции Российской Федерации, материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Согласно статьи 41 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию¹. Эти базовые положения создали основу для федерального и регионально-субъектного правового регулирования в области противодействия распространению алкогольной продукции среди несовершеннолетних. В 2023 году Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию сокращения потребления алкоголя в стране на период до 2030 года. Согласно данной концепции борьба с пьянством и алкоголизмом в течение последних трех десятилетий основывалась на различных правовых актах и документах стратегического планирования. В частности, правовую основу данной концепции составляют Конституция Российской Федерации, 4 федеральных закона – ФЗ № 323, ФЗ № 172,

ФЗ № 171 и ФЗ № 468, Указы Президента Российской Федерации о демографической политике, развитии здравоохранения, ряд постановлений правительства и иные нормативные правовые акты. Кроме этого 30 апреля 2026 года Правительством Российской Федерации был утвержден комплекс мер по профилактике негативных социальных явлений в молодежной среде². Согласно положениям этого документа планируется и прогнозируется сокращение потребления алкоголя как до 2030 года, так и в дальнейшей перспективе. Данный документ стратегического планирования принят в интересах укрепления общественного здоровья, общественной безопасности, направлен на обеспечение национальных интересов. Авторы данной концепции отмечают, что актуальность проблематики сокращения потребления алкоголя заключается в высоком уровне смертности, связанной с употреблением алкоголя. По данным ВОЗ смертность, связанная с алкоголем в России в 2016 году составила 23,1 % мужчин и 19,9 % женщин, т. е. 10 лет назад умерло 407,8 тыс человек. В 2018 году умерло почти 200 тыс человек, а если опираться на данные 2025 года, то смертность от употребления алкоголя составила 27,8 тыс человек. Разница в этих показателях является весьма ощутимой.

¹ Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2020. № 144. 04 июля.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2026 г. № 1030-р О комплексе мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026 - 2030 гг.

В целях снижения заболеваемости, смертности от алкоголизма и потребления алкоголя, органы государственной власти уже который год предусматривают и реализуют различные меры профилактики, противодействия нарушениям на потребительском рынке и преступлениям, совершаемым в данной области общественных отношений. Снижение заболеваемости и смертности свидетельствует о положительных сдвигах в вопросах сокращения потребления алкоголя в нашей стране. При этом до сих пор уязвимыми остаются вопросы, связанные с распространением крепких алкогольных напитков, никотинсодержащей и иной запрещенной по возрасту продукции среди несовершеннолетних, поскольку в наши дни уровень распространённости алкоголя среди несовершеннолетних мужского пола составляет – 37, среди лиц женского пола – 49 из расчета 100 человек. Во-первых, это свидетельствует о том, что количество девочек, употребляющих алкоголь больше по сравнению с мальчиками, во-вторых, медицинские исследования показывают, что из расчета 100 %, 7,83 % девочек и 6,7 % мальчиков употребляли алкоголь от двух раз в месяц и чаще [1, с. 9]. Таким образом, несмотря на вездесущую положительную динамику в области профилактики, предупреждения правонарушений и преступлений на рынке продажи и сбыта алкогольной и никотинсодержащей продукции, несмотря на большой объем работы, который проделывают органы власти на местах, проблемы связанные с распространением алкогольной продукции, а также спиртосодержащих веществ среди несовершеннолетних никуда не уходят. Органы государственной власти совместно с институтами гражданского общества, а также учреждениями, специально созданными для работы с молодежью, осуществляют различные меры государственно-правового характера для того, чтобы направить несовершеннолетних правонарушителей в правильное направление, помочь, если это возможно. В настоящее время предусматривается комплекс мер направленных на профилактику негативных социальных явлений в молодежной среде. В частности предполагается реализовать

следующие мероприятия: 1) планируется осуществить так называемые ДПП (дополнительные профессиональные программы), видимо с тем, чтобы реализовать на практике профилактику негативных социальных явлений в молодежной среде. С точки зрения классических подходов к таким программам следует отметить, что ДПП необходимо для повышения квалификации или переподготовки тех людей, которые профессионально занимаются вопросами противодействия негативным социальным явлениям среди несовершеннолетних. То есть такая мера является важной и нужной, но она непосредственно не решает вопросов, связанных с проблемами конкретного несовершеннолетнего человека (ребенка). К тому же дистанционные способы обучения имеют много минусов, в отличие от живого общения преподавателя со слушателями. 2) Проводить: а) конференции, на которых обсуждать вопросы профилактики правонарушений в молодежной среде. Конфедерации, особенно научно-практические очень важны и нужны. Однако стоит заострить внимание на формах проведения таких мероприятий, а также темах, которые будут обсуждаться в режиме реального времени, имеющих высокую степень актуальности, практической значимости; б) «окружные» семинары-совещания по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних; в) семинары-совещания по межведомственному взаимодействию по профилактике совершения тяжких и особо тяжких преступлений (терроризм, экстремизм и т. п.). Таким образом, согласно перечню мер, которые запланированы в рамках профилактики негативных социальных явлений в среде несовершеннолетних и молодежи во исполнение Распоряжения Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2026 г. № 1030-р, различные совещания, семинары и конференции занимают достаточно внушительный объем мероприятий. Ученые не раз отмечали, что обсуждение вопросов профилактики, предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует создания площадки для консолидации представителей органов государственной

власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов, ученых и научных работников с тем, чтобы выработать наиболее эффективные меры противодействия негативным социальным явлениям в молодежной среде.

Согласно последним медицинским исследованиям вред, причиняемый алкогольной и табачной / никотинсодержащей продукцией здоровью несовершеннолетних имеет разную степень воздействия и зависит в том числе от географических и социальных особенностей, проживания несовершеннолетних. Так, по мнению Л.Л. Трефиловой употребление табака и каннабиса характеризует подростков городских районных центров [2, с. 115]. Между тем данные по вопросу о распространности продажи алкогольной продукции в городских и сельских поселениях сильно разнятся, что не позволяет сформировать общую концепцию по противодействию продаже запрещенных по возрасту товаров. Приобретение алкогольной и спиртосодержащей продукции в сельской местности имеет свои особенности, обусловленные факторами социальной взаимосвязи населения. По мнению специалистов, курение табачной и никотинсодержащей продукции детьми наносит вред здоровью в долгосрочной перспективе, а употребление алкоголя несовершеннолетними опасно для их здоровья в краткосрочный период, поскольку даже единичный случай употребления алкоголя и особенно спиртосодержащей продукции может иметь летальные последствия.

Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма и последствий потребления табака или никотинсодержащей продукции» полностью запрещает реализацию несовершеннолетним табачных изделий, никотинсодержащей продукции, кальянов и специальных устройств для потребления никотина, в противном случае предусмотрена административная ответственность в соответствии с частью 3 статьи 14.53 КоАП РФ. При этом следует отметить, что продавец табачной и никотинсодержащей продукции в случае возникновения сомнений относительно возраста покупателя имеет право проверить документ, удосто-

веряющий личность с тем, чтобы убедиться в его возрасте. Это право реализуется часто и повсеместно при продаже алкогольной продукции. Между тем внедрение информационных способов проверки возраста облегчает сложную работу продавцов магазинов, реализующих товары народного потребления, снижая риски привлечения к административной и уголовной ответственности. Следует отметить, что часть 3 статьи 14.53 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации устанавливает меры административного воздействия в отношении лиц, осуществляющих продажу несовершеннолетним следующих товаров: изделий из табака, продукции с содержанием никотина, кальянов и специализированных устройств для потребления никотинсодержащих веществ. Примечательно, что при схожей степени опасности для здоровья подростков, законодательное регулирование в отношении алкогольной продукции носит «усеченный» характер, поскольку под административно-правовой запрет попадает исключительно розничная реализация алкогольных напитков лицам, не достигшим совершеннолетия. Внесение изменений и дополнений с 2011 по 2025 г. в нормативные акты, регламентирующие порядок, правила, запреты и особенности оборота алкогольной, табачной и иной продукции свидетельствует об актуальности проблемы на законодательном уровне, а статистические данные, полученные путём анализа административных и уголовных дел – об актуальности проблемы в обществе. Расширяя гуманистические составляющие начал в области уголовного права законодатель, с использованием института административной преюдиции представляет правоприменителю возможность не прибегать к уголовному преследованию в случаях совершения деяний, не представляющих повышенную степень общественной опасности. В этом отношении институт административной преюдиции в механизме реализации уголовной ответственности имеет достаточно дискуссионную основу. Институт административной преюдиции является связующим звеном между уголовным и административным правом, имеет диалектическую природу.

ду и способствует гуманизации уголовной ответственности. Административную преюдицию в уголовном праве следует рассматривать не только с позиции ее институциональной правовой природы. С позиции конструктивных особенностей российских уголовно-правовых норм, административная преюдиция представляет собой правовое условие, позволяющее не применять уголовную ответственность в случае совершения деяния, имеющего признаки преступления, поскольку период, с которого виновный считается подвергнутым административному наказанию, не позволяет привлекать «продавца алкоголем» к уголовной ответственности в рамках статьи 151.1 УК РФ. В этом смысле административная преюдиция выглядит не столько как институциональное формально-нормативное установление, сколько как гарантия неприменения уголовной ответственности под условиями «неоднократности», «периода» и т.п. Это означает, что в широком смысле административная преюдиция в механизме реализации уголовной ответственности может рассматриваться не только с позиции ее институционального выражения в нормах российского уголовного права. Рассмотрение ее с точки зрения правового условия позволяет выявить особенности нормативно-правового регулирования уголовно-правовых норм, предусматривающих такие условия и разработать на этой основе классификационные ряды статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

С позиции же гражданского права розничная продажа товаров народного потребления, осуществляемая в обычном магазине, представляет собой публичную сделку купли-продажи между лицом фактически производящим продажу товаров и лицом имеющим намерение приобрести товар. Если для гражданского права предусмотрена форма договора розничной купли-продажи (493 ГК РФ), то для реализации уголовной ответственности имеет значение, кто именно осуществил продажу запрещенного по возрасту товара – алкоголь, никатинсодержащую продукцию. В нормативных актах и документах, регулирующих вопросы организации торговли и осуществ-

вления розничной продажи товаров народного потребления представлена достаточно широкая классификация работников сферы торговли. Это означает, что в результате совершения публичной сделки купли-продажи продавцом может оказаться любой работник магазина, допущенный к операции по кассовому обслуживанию покупателей. При этом необходимо отметить, что согласно нормативным положениям ст. 493 ГК РФ «договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека, электронного или иного документа, подтверждающего оплату товара». Проведенный анализ уголовных дел по ст. 151.1 УК РФ показывает, что несовершеннолетний покупатель алкоголя выступает в роли свидетеля. Между тем действия несовершеннолетнего в процессе покупки алкоголя носят «активно-провоцирующий характер», поскольку действуя умышленно, осознавая, что за участие в такой публичной сделке для него не возникает правовых последствий, безразлично относясь к вопросу о административных и уголовно-правовых последствиях для продавца, несовершеннолетний своим безнравственным поступком приводит в действие предусмотренные механизмы административно-правовой и уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере защиты несовершеннолетних. Возникает парадоксальная ситуация при которой провоцирующее поведение свидетеля способствует возникновению охранительных правоотношений, направленных на его защиту. Это означает, что несовершеннолетний не может рассматриваться по таким делам в качестве потерпевшего в традиционном понимании, поскольку его активная роль в возникновении указанных правоотношений заключается в осознанных действиях, направленных на введение в заблуждение продавца, в стремлении использовать различные способы обхода правовых запретов и ограничений, включая использование чужих документов, изменение внешнего вида и т. п. Необходимо отметить, что внешние признаки (например, визуальное соответствие совершеннолетнему) также осложняют объективную оценку ситуации,

однако это не исключает провоцирующего характера действий несовершеннолетнего. Таким образом, несовершеннолетний выступает особым участником уголовно-правовых отношений, чье поведение носит квазивииктимный характер: формально являясь стороной, в отношении которой совершено преступление, он фактически инициирует противоправную ситуацию, что исключает его признание в качестве жертвы. Данный подход находит отражение в процессуальном статусе несовершеннолетнего, который в рамках рассматриваемых дел по ст. 151.1 УК РФ чаще всего фигурирует в качестве свидетеля, а не потерпевшего. Более того, родители или законные представители также не наделяются статусом потерпевших, поскольку их бездействие (ненадлежащее воспитание, отсутствие профилактики противоправного поведения) может служить основанием для привлечения их к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ. В этой связи потерпевшей стороной в рассматриваемых правоотношениях следует признать общество и государство, которые в системном единстве должны обеспечивать защиту публичных интересов, связанных с охраной здоровья несовершеннолетних и профилактикой алкоголизации. Необходимо отметить, что общество играет существенную роль, когда население помогает правоохранительным органам и государственным учреждениям сдерживать отклоняющееся поведение несовершеннолетних [3, с. 91]. Следуя гуманистическим началам, законодатель отражает их таким образом, чтобы в практике уголовного правоприменения были обеспечены интересы наиболее незащищенных слоев населения. Несмотря на безнравственный характер поведения несовершеннолетних, наличествующие ак-

тивные провоцирующие действия, в нашем правоприменении, обеспечивается наиболее мягкий подход к неправовым поступкам малолетних и лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

В рамках реализации ст. 151.1 УК РФ к ответственности привлекается продавец, что свидетельствует о публично-правовом характере данного состава преступления, в котором заложен смысл охраны наиболее важных социально значимых ценностей. Государство выступает в качестве гаранта соблюдения прав и свобод, законных интересов несовершеннолетних от преступных посягательств. В одном из своих постановлений, высший орган конституционной юстиции отметил, что интересы развития и воспитания несовершеннолетних как объект преступного посягательства не могут рассматриваться отстраненно от интересов личности, прав и свобод конкретного ребенка, являющегося непосредственной конституционной ценностью и субъектом соответствующих правоотношений, которым причиняется вред при вовлечении взрослым ребенком в совершение преступления¹. Соглашаясь с этим необходимо отметить, что признание несовершеннолетнего в качестве свидетеля оправдано положениями текущего законодательства, однако с позиции соблюдения моральных и нравственных норм будет неправильным оправдывать поведение несовершеннолетнего его возрастом и уж тем более отводить ему роль потерпевшего, когда он сознательно идет на провоцирующие поступки, пытаясь купить алкогольные напитки, никотинсодержащие средства и т.п. Если такие поступки не оправданы какими-нибудь «крайне необходимыми» обстоятельствами, то гражданин, даже притом, что он не достиг совершеннолетнего возраста, заслуживает самого серьезного взыскания.

Список литературы

1. Скворцова Е. С. Употребление алкоголя среди современных городских подростков-школьников / Е. С. Скворцова, Е. И. Бабушкина // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 3. – DOI 10.21045/2071-5021- 2023-69-3-10. – EDN LBTZIB.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 26-П/2023 «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В.Золотаревой и В. В. Фроловой» // Адвокатская газета. 2023. 30 мая.

2. Трефилова Л. Ю. Формирование зависимости от психоактивных веществ у подростков Томской обл. (распространенность, факторы риска, профилактика): дисс... канд. мед. наук. - Томск, 2007. 228 с.
3. Бадретдинов А. И. Историко-правовые аспекты формирования уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в дореволюционной России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 90–101.

References

1. Skvortsova E. S. Alcohol consumption among modern urban teenagers-schoolchildren / E. S. Skvortsova, E. I. Babushkina // Social aspects of population health. 2023. Т. 69. № 3. – DOI 10.21045/2071-5021- 2023-69-3-10. – EDN LBTZIB.
2. Trefilova L. Yu. The formation of dependence on psychoactive substances in adolescents of the Tomsk region (prevalence, risk factors, prevention): diss... cand. honey. sciences. - Tomsk, 2007. 228 p.
3. Badretdinov A. I. Historical and legal aspects of the formation of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors in pre-revolutionary Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (111). Pp. 90-101.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 07.04.2026; approved after 26.05.2026 review; accepted for publication 05.06.2026.

Научная статья
УДК: 343.61
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.11.2.012

Квалифицирующий признак совершения побоев в местах массового пребывания людей

Ф.Ф. Сибгатуллин

Уфимский юридический институт МВД России
г. Уфа, Российская Федерация
finat2013@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия в статье 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующего признака совершения побоев в местах массового пребывания людей. Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом числа осуждённых по данной статье: с 3 750 в 2019 г. до 13 241 в 2024 г., при одновременном увеличении доли преступлений, совершаемых в публичных местах, с 12% до 18% за тот же период. Одновременно растёт и число оправдательных приговоров и прекращённых дел по реабилитирующим основаниям (с 7,2% до 16,8% от общего числа рассмотренных дел), что во многом связано с отсутствием чёткой законодательной дифференциации. На основе анализа 50 приговоров мировых судей, размещённых в Государственной автоматизированной системе «Правосудие» за 2023–2024 гг., автор выявляет типичные места совершения таких деяний: остановки общественного транспорта (8 дел), вагоны метро и электропоездов (6 дел), вокзалы (5 дел), торговые центры (4 дела), территории образовательных организаций (3 дела), спортивные сооружения (2 дела). В 9 из этих 28 дел суды, назначая более строгое наказание, ссылались на общественное место как на отягчающее обстоятельство, однако прямое указание на это в ст. 63 УК РФ отсутствует, что заставляет правоприменителя действовать по аналогии. Обосновывается повышенная степень общественной опасности побоев в местах скопления граждан, которая заключается не только в причинении физической боли непосредственному потерпевшему, но и в создании реальной угрозы паники, давки, массовых беспорядков, а также в подрыве общественного спокойствия и чувства защищённости неопределённого круга лиц. Проводится сравнительно-правовой анализ с законодательством Франции (ст. 222-13 УК Франции, где насилие в общественном месте влечёт до трёх лет лишения свободы), Германии (§ 224 StGB, где öffentlicher Ort является квалифицирующим признаком опасного телесного повреждения) и США (большинство штатов выделяют публичное нападение как отдельный состав). Автором предлагается дополнить статью 116.1 УК РФ частью второй, предусматривающей ответственность за побои, совершённые в местах массового пребывания людей, с санкцией в виде принудительных работ или лишения свободы. Формулируется открытый перечень таких мест: вокзалы, аэропорты, станции метро, остановки общественного транспорта, торговые, спортивные и развлекательные центры, концертные площадки, стадионы, территории и здания образовательных и медицинских организаций, а также иные места, где одновременно может находиться значительное количество граждан. Разработаны критерии отнесения мест к категории массового пребывания для целей уголовного закона: функциональное предназначение места, потенциальная возможность одновременного нахождения более 50 человек, отсутствие личных (семейных) связей между присутствующими. Обосновывается, что для применения квалифицирующего признака достаточно установить, что место по своим характеристикам относится к таковым, а время совершения преступления соответствует режиму его работы (за исключением случаев, когда виновный заведомо знал, что место пустует). Предлагается также дополнить ст. 63 УК РФ соответствующим отягчающим обстоятельством для случаев, когда квалифицирующий признак не предусмотрен в Особенной части УК РФ. С опорой на аксиологический подход в правозащитной деятельности подчёркивается, что действенность механизмов защиты прав граждан, их уверенность в неотвратимости наказания за публичное насилие является необходимым условием справедливости и общественной безопасности. Реализация предложенных изменений, по мнению автора, позволит дифференцировать уголовную ответственность, повысить эффективность противодействия рецидивному насилию в публичной сфере, устранить правовую неопределённость и укрепить доверие граждан к правоохранительной системе.

Ключевые слова: ст. 116.1 УК РФ, побои, места массового пребывания, квалифицирующий признак, общественная безопасность, дифференциация ответственности, зарубежный опыт, аксиологический подход.

Для цитирования: Сибгатуллин Ф.Ф. Квалифицирующий признак совершения побоев в местах массового пребывания людей // Право и государственность. 2026. № 2 (11). С. 69–75.

Qualifying sign of battery in public places

F.F. Sibagatullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ufa, Russian Federation

finat2013@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the problem of the absence in Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation of a qualifying sign of battery in public places. The relevance of the study is due to a steady increase in the number of convicted persons under this article from 3,750 in 2019 to 13,241 in 2024, while the share of crimes committed in public places increased from 12% to 18% over the same period. At the same time, the number of acquittals and terminated cases on rehabilitating grounds is also growing (from 7.2% to 16.8% of the total number of cases considered), which is largely due to the lack of clear legislative differentiation. Based on an analysis of 50 sentences of magistrates posted in the State Automated System «Pravosudie» for 2023–2024, the author identifies typical places where such acts are committed: public transport stops (8 cases), subway and electric train cars (6 cases), railway stations (5 cases), shopping centers (4 cases), territories of educational organizations (3 cases), sports facilities (2 cases). In 9 of these 28 cases, courts, imposing a more severe punishment, referred to a public place as an aggravating circumstance, but there is no direct reference to this in Article 63 of the Criminal Code, which forces the law enforcement officer to act by analogy. The increased public danger of battery in crowded places is substantiated, which consists not only in causing physical pain to the direct victim, but also in creating a real threat of panic, stampede, mass riots, as well as undermining public peace and the sense of security of an indefinite circle of people. A comparative legal analysis is carried out with the legislation of France (Article 222-13 of the French Criminal Code, where violence in a public place entails up to three years of imprisonment), Germany (§ 224 StGB, where öffentlicher Ort is a qualifying sign of dangerous bodily harm) and the USA (most states distinguish public assault as a separate composition). The author proposes to supplement Article 116.1 of the Criminal Code with part two, providing for liability for battery committed in public places, with a sanction in the form of compulsory labor or imprisonment for up to two years. An open list of such places is formulated: railway stations, airports, subway stations, public transport stops, shopping, sports and entertainment centers, concert venues, stadiums, territories and buildings of educational and medical organizations, as well as other places where a significant number of citizens can be simultaneously located. Criteria for classifying places as public places for the purposes of criminal law have been developed: the functional purpose of the place, the potential for simultaneous presence of more than 50 people, the absence of personal (family) ties between those present. It is substantiated that to apply the qualifying sign, it is sufficient to establish that the place by its characteristics belongs to such places, and the time of the crime corresponds to its operating hours (except in cases where the perpetrator knowingly knew that the place was empty). It is also proposed to supplement Article 63 of the Criminal Code with an appropriate aggravating circumstance for cases where the qualifying sign is not provided for in the Special Part. Based on the axiological approach in human rights activities (Shaikhullin M.S.), it is emphasized that the effectiveness of mechanisms for protecting citizens' rights, their confidence in the inevitability of punishment for public violence is a necessary condition for justice and public safety. The implementation of the proposed changes, according to the author, will differentiate criminal liability, increase the effectiveness of countering recurrent domestic violence in the public sphere, eliminate legal uncertainty and strengthen citizens' trust in the law enforcement system.

Key words: Article 116.1 of the Criminal Code, battery, public places, qualifying sign, public safety, differentiation of liability, foreign experience, axiological approach.

For citation: Sibagatullin F.F. Qualifying sign of battery in public places // Law and statehood. 2026. № 2 (11). Pp. 69–75.

В действующей редакции статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, не дифференцируется в зависимости от места совершения преступления¹. Законодатель одинаково оценивает побои,

нанесённые в безлюдном переулке, в семейной ссоре на кухне и побои, совершённые на многолюдном вокзале, в вагоне метро в час пик, в торговом центре в выходной день, на стадионе во время футбольного матча или у входа в школу. Между тем общественная опасность этих деяний существенно различается. Как справедливо

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : в ред. от 20.02.2026 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

отмечает М.С. Шайхуллин, «справедливость в аспекте аксиологического понимания защиты прав и свобод заключается в том, что люди должны быть уверены в действенности механизмов такой защиты» [7, с. 18]. Однако отсутствие в законе специального квалифицирующего признака, учитывающего повышенную опасность публичного насилия, подрывает эту уверенность, поскольку граждане, ставшие свидетелями побоев в общественном месте, не видят адекватной реакции государства. Кроме того, в науке уголовного права обоснованно ставится вопрос о необходимости дифференциации ответственности за побои в зависимости от характера и степени их общественной опасности [3, с. 32-33]. В связи с этим автор настоящей статьи на основе анализа судебной практики, статистических данных и криминологических исследований обосновывает необходимость введения в статью 116.1 УК РФ квалифицирующего признака – совершение побоев в местах массового пребывания людей, – а также предлагает конкретную редакцию новой части указанной нормы.

Понятие «места массового пребывания людей» не является новым для российского законодательства. Оно используется в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 20.2.2 – организация массового одновременного пребывания граждан в общественных местах, ст. 20.20 – распитие алкогольной продукции в общественных местах), в законодательстве о лицензировании, в строительных нормах и правилах, а также в антитеррористическом законодательстве. Так, в соответствии с пунктом 6 статьи 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», под местом массового пребывания людей понимается территория общего пользования поселения или городского округа, либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, строении, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более 50 человек¹. Применительно к целям уголовного права автор предлагает под ме-

стами массового пребывания людей понимать любые территории и объекты (включая здания, сооружения, транспортные средства), где одновременно или в течение короткого промежутка времени может находиться значительное количество граждан (как правило, более 50 человек), не связанных между собой семейными или иными близкими отношениями. При этом важно подчеркнуть, что для квалификации достаточно функционального предназначения места, не обязательно, чтобы в момент преступления там находилось большое количество людей (например, торговый центр в рабочее время, стадион во время матча). Исключение составляют случаи, когда место заведомо для виновного пустует (ночной клуб после закрытия, школа в каникулы) – тогда повышенная опасность отсутствует.

Почему побои в таких местах должны наказываться строже? Во-первых, они создают реальную угрозу общественной безопасности. Нанесение ударов и иных насильственных действий в толпе может спровоцировать массовую панику, давку, в ходе которой пострадают люди, не являющиеся непосредственными жертвами преступника. Как справедливо отмечает Н.Г. Кадников, при квалификации преступлений, посягающих на общественный порядок, следует учитывать не только фактически наступившие последствия, но и реальную возможность их наступления, а также степень нарушения общественного спокойствия [2, с. 35-36]. Паника в местах массового скопления граждан часто приводит к более тяжким последствиям (травмы, гибель людей), чем само первоначальное насилие. Например, известны случаи, когда драка в переходе метро приводила к давке, в результате которой люди получали переломы и ушибы, не будучи участниками конфликта. Во-вторых, побои в публичном месте грубо нарушают общественный порядок и подрывают чувство защищенности граждан. В отличие от бытового конфликта, где насилие может быть скрыто от посторонних, публичное насилие, по верному замечанию Н.Ю. Скрипченко, вызывает широкий общественный резонанс и негативно влияет на оценку эф-

¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ : в ред. от 10.07.2023 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

фективности правоохранительной системы в целом [1, с. 65-66]. Свидетельствуя сцену насилия, посторонние люди испытывают стресс, страх, утрату доверия к правоохранительным органам. Кроме того, такие инциденты часто попадают в социальные сети и СМИ, формируя образ криминально неблагополучной среды. В-третьих, места массового пребывания людей являются объектами повышенного криминального риска: по данным МВД России, около 18% всех зарегистрированных побоев с административной преюдицией (ст. 116.1 УК РФ) совершаются именно в таких местах, причём доля таких преступлений неуклонно растёт (с 12% в 2020 г. до 18% в 2024 г.) [4, с. 33]. В абсолютных цифрах это означает, что ежегодно тысячи преступлений совершаются на глазах у посторонних, что требует адекватной уголовно-правовой оценки.

Изучение 50 приговоров по ст. 116.1 УК РФ, размещённых в Государственной автоматизированной системе «Правосудие» за 2023–2024 гг., позволило автору выявить типичные ситуации совершения побоев в местах массового пребывания людей¹: на остановках общественного транспорта (8 дел), в вагонах метро и электропоездов (6 дел), на вокзалах (5 дел), в торговых центрах (4 дела), у входов в школы и детские сады (3 дела), на спортивных площадках во время соревнований (2 дела). При этом в 9 из этих 28 дел суды, обосновывая назначение более строгого наказания (например, реальный арест вместо штрафа), ссылались на общественное место как на обстоятельство, отягчающее ответственность в порядке ст. 63 УК РФ. Однако такое отягчающее обстоятельство, как «совершение преступления в общественном месте», в перечне ст. 63 УК РФ отсутствует, а квалифицирующим признаком ст. 116.1 УК РФ он не является. Суды фактически применяют аналогию, что недопустимо. Выходом является именно введение специального квалифицирующего признака.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что законодательство многих зарубежных стран выделяет публичный характер

насилия как отягчающее обстоятельство. Во Франции насильственные действия в общественном месте или в присутствии нескольких лиц влекут более строгое наказание, чем за те же действия в частной сфере (ст. 222-13 УК Франции). Уголовный кодекс Франции предусматривает, что насилие, совершённое в общественном месте, может наказываться лишением свободы до трёх лет, тогда как аналогичное деяние в частной сфере – до двух лет. В Германии побои в общественном месте (*öffentlicher Ort*) также являются квалифицирующим признаком (§ 224 StGB «Опасное нанесение телесных повреждений»). При этом немецкая судебная практика относит к общественным местам не только улицы и площади, но и общественный транспорт, торговые залы, рестораны, спортивные сооружения в часы их работы. В США большинство штатов выделяют публичное насилие (*public assault*) как отдельный состав или отягчающее обстоятельство, что связано с высоким уровнем насильственной преступности в общественных местах. В российском уголовном праве публичность и массовость уже учитываются в ряде составов – например, при квалификации массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) и хулиганства (ст. 213 УК РФ) [2, с. 37-38]. Как справедливо отмечает К.Э. Булгакова, дифференциация уголовной ответственности за побои назрела давно, и одним из наиболее логичных путей её проведения является выделение квалифицирующих признаков, отражающих повышенную общественную опасность деяния [3, с. 33]. Однако для побоев с административной преюдицией дифференциация в зависимости от места совершения преступления отсутствует, что является пробелом, который необходимо устранить.

Автор предлагает дополнить статью 116.1 УК РФ частью второй следующего содержания: «2. То же деяние, совершённое в местах массового пребывания людей (вокзалы, аэропорты, станции метро, остановки общественного транспорта, торговые, спортивные и развлекательные центры, концертные площадки, стадионы, территории

¹ Постановления (приговоры) мировых судей по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, за 2023–2024 гг. [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 02.04.2026).

и здания образовательных и медицинских организаций, иные места, где одновременно может находиться значительное количество граждан), – наказывается принудительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на тот же срок».

Такая редакция позволит, во-первых, дифференцировать ответственность в зависимости от места совершения преступления; во-вторых, применить к виновным реальную изоляцию от общества, если они продолжают совершать насилие в публичных местах, пренебрегая не только личной неприкосновенностью конкретного потерпевшего, но и общественной безопасностью; в-третьих, создать дополнительный сдерживающий фактор для потенциальных правонарушителей. Как подчёркивает М.С. Шайхуллин, «защита прав и свобод человека и гражданина должна быть действительной и реальной» [7, с. 18]. Введение предлагаемого квалифицирующего признака как раз и повысит действенность защиты прав граждан от публичного насилия. Кроме того, наличие этой нормы будет способствовать формированию правосознания: граждане будут видеть, что государство по-разному оценивает насилие в зависимости от его публичного характера, что соответствует общепринятым представлениям о справедливости.

Критерии отнесения места к массовому пребыванию людей должны быть закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. По мнению автора, к таковым следует относить: 1) транспортные узлы (вокзалы, аэропорты, станции метро, платформы электричек, остановки общественного транспорта в час пик); 2) объекты торговли и услуг с одновременным нахождением более 50 человек (торговые центры, рынки, кинотеатры, рестораны); 3) объекты спорта и культуры (стадионы, дворцы спорта, концертные залы, музеи, выставочные центры); 4) территории образовательных и медицинских организаций в часы работы (школы, детские сады, вузы, поликлиники, больницы); 5) места проведения массовых мероприятий (митинги, демонстрации, праздничные гуляния, ярмарки); 6) иные места, где по объективным причинам может находиться большое количество граждан (площади

перед административными зданиями, остановки транспорта, парки в выходные дни, пляжи в купальный сезон). При этом не требуется доказывать, что в момент преступления там действительно находилось большое количество людей – достаточно, что место по своим функциональным характеристикам предназначено для массового пребывания, а время совершения преступления соответствует режиму работы объекта (например, торговый центр в нерабочее время, когда там никого нет, не должен признаваться местом массового пребывания). Также следует учитывать, что если виновный заранее знал о том, что место пусто (например, совершил побои в ночном клубе после закрытия), то квалифицирующий признак не применяется, поскольку объективно повышенной опасности не было.

Возможным возражением против введения данного квалифицирующего признака может служить опасение, что он приведёт к необоснованному ужесточению ответственности за незначительные правонарушения. Однако, во-первых, речь идёт только о побоях, уже образующих уголовный состав (при наличии административной преюдиции или судимости). Во-вторых, санкция предлагаемой части второй не является чрезмерно суровой – лишение свободы до двух лет соответствует санкции, например, за угрозу убийством (ст. 119 УК РФ) или за умышленное причинение лёгкого вреда здоровью из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 115 УК РФ). В-третьих, суд всегда может применить более мягкое наказание, если сочтёт это целесообразным, вплоть до назначения наказания ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств. В-четвёртых, введение нового квалифицирующего признака не отменяет действия общих начал назначения наказания, включая принцип индивидуализации. В-пятых, зарубежный опыт показывает, что такие нормы работают эффективно и не приводят к массовому ужесточению приговоров, а лишь создают правовую основу для адекватной оценки публичного насилия.

Подводя итог, автор формулирует следующие выводы и предложения. 1) Существующая редакция ст. 116.1 УК РФ

не учитывает повышенную общественную опасность побоев, совершённых в местах массового пребывания людей, что является пробелом уголовного закона. 2) На основе анализа судебной практики, зарубежного опыта и криминологических данных обоснована необходимость введения квалифицирующего признака – «совершение деяния в местах массового пребывания людей». 3) Предложена авторская редакция части второй ст. 116.1 УК РФ с санкцией в виде принудительных работ или лишения свободы, а также открытый перечень мест массового пребывания людей. 4) Целесообразно рекомендовать Верховному Суду РФ дать разъяснение критериев отнесения мест к местам массового пребывания людей в отдельном постановлении Пленума либо путём внесения дополнений в существующее постановление по делам о хулиганстве.

5) Необходимо также дополнить ст. 63 УК РФ такимотягчающим обстоятельством, как «совершение преступления в местах массового пребывания людей», для случаев, когда квалифицирующий признак не предусмотрен в Особенной части. Реализация этих предложений, как справедливо отмечает М.С. Шайхуллин, позволит обеспечить «действенность механизмов» защиты прав граждан [10, с. 18], укрепить общественный порядок, повысить доверие населения к правоохранительной системе и эффективность противодействия рецидивному бытовому насилию в публичной сфере. Предлагаемые изменения соответствуют принципам справедливости, гуманизма (поскольку ужесточение касается лишь злостных нарушителей, демонстрирующих пренебрежение к общественной безопасности) и неотвратимости ответственности.

Список литературы

1. Скрипченко Н. Ю. Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 59–78. – DOI 10.17223/22253513/57/5.
2. Кадников Н. Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4. С. 34–40.
3. Булгакова К. Э. Некоторые вопросы дифференциации уголовной ответственности за побои // Уголовно-правовые науки. 2022. № 3. С. 31–34.
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2019–2024 годы. – Москва, 2025. 120 с.
5. Алференок Е. А., Дмитренко А. П. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 20–23. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-6-20-23.
6. Артюшина О. В. Административная преюдиция в контексте изменений в регламентации ответственности за побои // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2. С. 208–210.
7. Шайхуллин М. С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход // Право и государственность. 2024. № 4 (5). С. 16–22.

References

1. Skripchenko N. Yu. (2025). Criminal Liability for Battery: Problems of Regulation and Implementation // Bulletin of Tomsk State University. Law. № 57. Pp. 59–78. – DOI 10.17223/22253513/57/5.
2. Kadnikov N. G. (2023). On the Question of the Qualification of Certain Crimes Affecting Public Security and Public Order // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4. Pp. 34–40.
3. Bulgakova K. E. (2022). Some Issues of Differentiation of Criminal Liability for Battery // Criminal Law Sciences. № 3. Pp. 31–34.
4. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation (2025). Report on the Work of General Jurisdiction Courts in Criminal Cases for 2019–2024. – Moscow. 120 p.
5. Alferenok E. A., Dmitrenko, A.P. (2022). Conviction for a Crime Committed with the Use of Violence as a Qualifying Feature of Battery (Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Economic Security. № 6. Pp. 20–23. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-6-20-23.
6. Artyushina O. V. (2018). Administrative Prejudice in the Context of Changes in the Regulation of Liability for Battery // Legal Science and Law Enforcement Practice. № 2. Pp. 208–210.
7. Shaykhullin M. S. (2024). Protection of Human and Civil Rights and Freedoms: An Axiological Approach // Law and Statehood. № 4 (5). Pp. 16–22.

Информация об авторе (авторах): Сибгатуллин Финат Фаязович, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Sibagatullin Finat Fayazovich, Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 20.04.2026; approved after 26.05.2026 review; accepted for publication 05.06.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от) или изменений (с изм. от), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

№ 2 (11) 2026

Подписано в печать 08.06.2026.
Формат 62х84 1/8. Усл. печ. л. 5.08.

Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ООО МедиаПринт,
450005, Российская Федерация,
г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 20.

